

Круглый стол в ПДВ

Отношения КНР и США на современном этапе: состояние, перспективы и вызовы для России

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» уделяет постоянное внимание отношениям между КНР, США и Россией, проблемам их взаимосвязи и влияния на процесс становления и совершенствования современной мировой архитектоники, актуальность которых в нынешней непростой международной ситуации возрастает многократно. Именно поэтому эти проблемы стали предметом обсуждения участников круглого стола, состоявшегося 10 июня 2015 года в редакции ПДВ.

Дискуссия развернулась в рамках трех тематических блоков:

- 1) Развитие китайско-американских отношений на современном этапе;
- 2) Факторы взаимодействия и соперничества Пекина и Вашингтона на региональном и глобальном уровнях;
- 3) Взаимоотношения России, США и Китая в контексте нынешней ситуации с учетом украинского фактора.

В ходе обсуждения было подтверждено, что отношения «нового типа», установление которых провозгласили в 2013 г. США и КНР, представляют собой приемлемую для обеих сторон более сбалансированную основу модели их сосуществования и взаимодействия.

Однако, в то же время, это не устраняет присущих китайско-американским отношениям многочисленных противоречий и разногласий, острота которых, скорее всего, будет усугубляться по мере усиления совокупной мощи Китая в процессе превращения его из региональной в одну из ведущих мировых держав.

Что касается России, то она всегда выступала и выступает за развитие нормальных и эффективных политических и деловых отношений между Вашингтоном и Пекином, но при условии, что общий их вектор не будет направлен против ее интересов, а взаимосвязи США и Китая не превратятся в «рычаг» для оказания давления на нашу страну. Во всяком случае, Китаю следует четко понимать, что любые американские действия, направленные против России, будут нацелены и на то, чтобы в итоге ослабить Китай.

В обмене мнениями по этим вопросам приняли участие: и.о. директора Института Дальнего Востока (ИДВ) РАН, профессор МГИМО (У) МИД РФ, доктор исторических наук **С.Г. ЛУЗЯНИН**; заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока», доктор экономических наук, профессор **В.Я. ПОРТЯКОВ**; заместитель главного редактора ПДВ, главный научный сотрудник ИДВ РАН, доктор исторических наук **Я.М. БЕРГЕР**; заместитель главного редактора ПДВ, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, кандидат исторических наук **А.С. ДАВЫДОВ**; заместитель директора Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова, зав. отделом истории и внутренней политики ПДВ **А.Н. КАРНЕЕВ**; руководитель Центра ин-

формации и документации ИДВ РАН, кандидат филологических наук **Е.Н. РУМЯНЦЕВ**; заместитель руководителя Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН, кандидат исторических наук **С.В. УЯНАЕВ**; ученый секретарь ИДВ РАН по связям с общественностью, кандидат исторических наук **А.С. ИСАЕВ**; главный научный сотрудник ИДВ РАН, доктор политических наук **В.Е. ПЕТРОВСКИЙ**; профессор МГИМО (У) МИД РФ, кандидат исторических наук **Ю.А. ДУБИНИН**; доцент Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук **Я.В. ЛЕКСЮТИНА**; старший научный сотрудник ИДВ РАН, кандидат политических наук **В.Б. КАШИН**; старший научный сотрудник ИДВ РАН **К.В. АНТИПОВ**; сотрудник МИД РФ, аспирант ИДВ РАН **Д.Н. ШАКУРА**.

Вел заседание круглого стола заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока» Я.М. Бергер. Ниже публикуются выступления его участников.

Лузянин С.Г.:

Большая группа экспертов в российской, западной и китайской политологии активно обсуждает состояние и перспективы так называемого треугольника «Россия — Китай — США». Причем независимо от противоположных оценок отношений между РФ и КНР или РФ и США, большинство едины в том, что данного «треугольника» де-факто или де-юре не существует, а речь идет, скорее, о некоей виртуальной возможности трехстороннего сотрудничества и различных акцентах отношений внутри трех пар — китайско-американской, российско-китайской и российско-американской.

В этой связи очевидно, что проведение этого «круглого стола» редакцией журнала «Проблемы Дальнего Востока» чрезвычайно важно как с точки зрения общественно-политической, так и экспертно-научной.

Я бы выделил **7 основных тезисов**, которые, возможно, позволят несколько заострить дискуссию, определить точки совпадения и расхождения.

1) Происходит достаточно быстрое обновление блоковой американской политики в Восточной Азии, идущее как на институциональном, так и на идеологическом уровнях. Используя свои двусторонние военно-политические союзы (японо-американский, американо-южнокорейский), США активно формируют «антикитайские группы» (Австралия, Вьетнам, Индия, Мьянма), пытаясь институционально оформить их в некие «структуры безопасности». Понятно, что до создания аналога «азиатского НАТО» еще далеко. Но процесс, к сожалению, для интересов КНР и РФ складывается неблагоприятно. В основе «американского вызова» КНР и РФ несколько базовых «аргументов»: а) общее возвышение Китая в мире и регионе Восточной Азии, которое якобы несет угрозу и вызывает необходимость сдерживания Поднебесной; б) обострение территориальных (островных) споров КНР в Южно-Китайском (ЮКМ) и Восточно-Китайском (ВКМ) морях с Японией, Вьетнамом, Филиппинами и рядом других государств. За последние годы американо-вьетнамские отношения, например, вышли фактически на уровень полноценного стратегического сотрудничества. На ноябрь 2015 г. (после очередного саммита АТЭС в Маниле) запланирован официальный визит американского президента во Вьетнам, на котором тема военно-политического сближения скорее всего будет центральной.

2) В регионе СВА, несмотря на островные и прочие трудности, не сложилось открытого противостояния по российско-европейской/украинской модели. Среди азиатских стран нет единства по вопросу о присоединении к антироссийским санкциям, а те, кто присоединился (Япония и др.), сделали это чисто формально. США не удается сформировать в Восточной Азии единый антироссийский фронт. Украинский кризис сковал часть американских военно-политических ресурсов, объективно затормозив процесс «возвращения США» в АТР. При этом Вашингтон, реагируя на глобальное возвышение Китая, вынужден проводить «двойное» сдерживание — против России и против КНР. Многие китайские ученые признают, что украинский кризис дает Китаю своеобразную «передышку» в плане геополитического китайско-американского соперничества. При этом следует учитывать,

что это соперничество сочетается с дальнейшей регионально-экономической интеграцией и кооперацией США и КНР. Отношения «нового типа», которые три года назад провозгласили лидеры двух стран Б. Обама и Си Цзиньпин, будут скорее всего усилены. В октябре 2015 г. Председатель КНР Си Цзиньпин планирует посетить США и провести полномасштабные переговоры с Б. Обамой о согласовании общего видения по проблеме реализации проекта Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и другим вопросам.

3) Ключевым трендом в системе США — РФ — КНР остается дальнейшее сближение России и Китая. Визит Председателя и Си Цзиньпина в Москву 8–9 мая 2015 г. на празднование 70-летия Великой Победы и подписание 37 официальных двусторонних документов еще раз подтвердили приоритетность целей китайской политики в глобальном масштабе. Что касается украинского кризиса, он лишь отчасти стал дополнительным фактором углубления российско-китайского стратегического партнерства, хотя и не единственным. Концепция «поворота России» на Восток была, как известно, разработана задолго до украинских событий. Начало ее нынешней реализации — скорее совпадение по времени, чем закономерность. 3 сентября 2015 г. состоится визит российского президента в КНР, приуроченный к завершению празднования 70-летия Победы, в ходе которого российско-китайские связи, несомненно, получат дополнительный положительный импульс. Причем нынешняя специфика российско-китайского сближения в сфере безопасности состоит в том, что оба государства вплотную подошли к той черте, которая отделяет партнерство от военно-политического союзничества. Но в нынешних условиях ни Москва, ни Пекин не хотят ее переступить и не планируют создание двустороннего военного союза. В рамках существующего партнерства многие атрибуты союзнических отношений неформально присутствуют и успешно развиваются — регулярные военные (сухопутные и морские) учения в двустороннем и коллективном (ШОС) форматах, совещания министров обороны и пр. Базовым документом российско-китайского партнерства, как известно, является двусторонний Договор 2001 г., который содержит статью 9 о режимах консультаций в случае угроз для одной из сторон со стороны третьих держав.

4) Выдвижение Председателем Си Цзиньпином глобального проекта «Один пояс — один путь» — это отражение новой фазы китайского возвышения, формирование на длительный период обновленной сухопутной (евразийской) и морской геополитики КНР. И хотя китайские ученые в один голос говорят о том, что речь идет исключительно об экономическом развитии и экономических шагах, большинство экспертов склонны видеть, что за фасадом заявленных грандиозных экономических мер просматривается новая формирующаяся китайская геополитика растущей сверхдержавы.

5) 8 мая 2015 г. накануне празднования Дня Победы Си Цзиньпин и В.В. Путин подписали в Москве в числе прочих документов Заявление о возможностях «стыка» Экономического пояса (ЭП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Стратегической площадкой этого стыка объявлена ШОС, которая после саммита в Уфе 8–10 июля 2015 г. вступит в этап радикальных преобразований (принятие Стратегии развития до 2025 г., расширение состава участников и пр.). В КНР и других странах идет активная экспертная разработка механизмов реализации Сухопутного пояса. Вопросов пока больше, чем ответов. Например, какие инструменты (транспортные, инвестиционные, торгово-экономические или иные) будут использованы Пекином в качестве основных и приоритетных? Какие страны попадут в зону Пояса в первую очередь, а какие во вторую? Планируется ли реализация некоей «сквозной» инвестиционной / транспортной политики в отношении двадцати одного государства в рамках Пояса, или речь пойдет об интенсификации двусторонних моделей КНР с каждым из потенциальных участников? Пока на все эти вопросы нет точных и аргументированных ответов ни у китайских, ни у других ученых. Имеются лишь разрозненные факты и политические заявления китайского руководства о важности и чрезвычайной полезности проекта для всех участников. Причем полезность Пояса и Пути пока точно не аргументируется китайскими представителями, но при этом практически на всех конференциях и форумах, посвященных данной теме, постоянно го-

ворится о необходимости использовать предоставленный Китаем «исторический шанс» и возможность для развития.

6) Очевидно, что проекты в рамках «Один пояс — Один путь» скрыто несут антиамериканскую направленность. Можно предположить, что создаваемый Китаем мега-проект не будет открыто позиционироваться Пекином как некая альтернатива Транстихоокеанскому партнерству (ТТП). Для этого нет пока необходимых ресурсов и политической воли.

7) Относительно перспектив китайско-американских отношений среди западных и китайских экспертов преобладают два подхода. Один строится на приоритете роста взаимозависимости в финансово-экономической сфере двух стран, которая автоматически «купирует» региональные и геополитические противоречия, является гарантией от конфликта. Более того, часть западных ученых считает, что декларируемые противоречия между США и КНР — некая «внешняя имитация конфликтности». На самом деле стороны уже обо всем и давно договорились.

Другой подход предполагает неизбежный рост противоречий (вплоть до военного конфликта), который не может быть смириван усилением финансово-экономической взаимозависимости. Причем подъем Китая и переход его в новую весовую категорию сверхдержавы, как отмечают отдельные китайские эксперты, только усиливает внутреннюю китайско-американскую конфликтность, которая, всегда будет присутствовать в отношениях Китая и Америки, поскольку обусловлена противоположными геополитическими интересами.

Понятно, что между этими двумя крайними позициями имеется масса экспертных вариаций. Однако почти все они укладываются в некую дилемму — либо «экономическая выгода» обоим и отказ от «взаимного сдерживания», либо стратегическая дуэль и вытеснение одного из двух на «обочину» геополитики.

Портяков В.Я.:

В китайско-американских торгово-экономических отношениях можно условно выделить два уровня — двусторонний и глобальный. «Условно» потому, что многие, казалось бы, чисто двусторонние аспекты связей нередко имеют и более широкое мирохозяйственное значение.

Китай и США являются друг для друга важными торговыми партнерами. В 2014 г. объем их двусторонней торговли, по данным таможенной статистики КНР, превысил 555 млрд долл., из которых экспорт КНР в США составил 396 млрд долл., а импорт КНР из США — 159 млрд долл. Доля США во внешнеторговом товарообороте Китая составила 12,9%, в том числе в экспорте 16,93% и в импорте — 8,11%.

По несколько отличающимся американским данным¹, импорт США из Китая составил 466,65 млрд долл., экспорт США в Китай — свыше 124 млрд долл., товарооборот двусторонней торговли — около 590,7 млрд долл. Доля Китая в товарообороте США — 14,65%, в экспорте 7,64% и в импорте 19,37%. То есть главная ось китайско-американской взаимозависимости — это экспорт товаров, произведенных в Китае, на американский рынок или, наоборот, импорт Соединенными Штатами товаров китайского происхождения. По сути дела, источником формирования такой модели стали действия американского бизнеса, специально направлявшего инвестиции, технику и технологии в Китай с его дешевой рабочей силой для организации там производства продукции для самой Америки, но с существенной экономией на издержках.

Показательно, что в китайском импорте из США половина приходится на машины и оборудование, а в экспорте — еще больше (52,8%). Другие ведущие позиции — текстиль и обувь (15%) и химикаты (8%). В импорте весома также доля сельхозпродукции (16%, главным образом соевые бобы).

В контексте кризиса 2008–2009 гг. была предпринята попытка изменить ситуацию. США перестали наращивать объем инвестиций в экономику КНР, сохранив его

примерно на уровне 2,6 млрд долл. в год, тогда как у Японии и Германии ежегодный объем инвестиций в Китай вырос вдвое. Более того, по неофициальным данным, было выведено 15–20% прежних американских инвестиций в Китай.

Тем не менее, улучшить баланс двусторонней торговли пока не удалось. Его сальдо продолжает складываться с серьезным перевесом в пользу Китая (см. табл.1).

Таблица 1.

Американо-китайская торговля (млрд долл.)

Год	Экспорт США в Китай	Импорт США из Китая	Баланс
2011	104,121	399,371	-295,249
2012	110,515	425,626	-315,110
2013	121,736	440,447	-318,711
2014	124,024	466,656	-342,632

Источник: URL: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html>

Ситуация предопределяет нередкие обвинения в адрес Китая в якобы недобросовестной конкуренции, заниженном курсе юаня и т.п.

В то же время высокий уровень экономической взаимозависимости признают обе стороны. Америка начинает прислушиваться к китайскому совету «стремиться к обоюдному выигрышу» и особенно резких движений не делает.

Китай, в свою очередь, нередко демонстрирует наличие у него такого мощного инструмента давления на Вашингтон, как покупка американских ценных бумаг (в настоящее время Пекин владеет ими на сумму примерно 1150 млрд долл.).

Одной из важнейших текущих проблем двусторонних связей в данной области является подготовка инвестиционного соглашения, которое может снять серьезные барьеры на пути китайских инвестиций в США и стимулировать их приток.

На глобальном уровне все зримее становятся элементы состязательности, если не прямого соперничества двух стран. С 2013 г. Китай опережает США по объему внешней торговли товарами, с 2014 г. — по ВВП в расчете по паритету покупательной способности (ППС). Многие эксперты считают, что Китай, на словах не покушаясь на устои существующего миропорядка с лидерством США, на практике создает подконтрольную ему сеть международных финансовых институтов (Азиатский фонд инфраструктурных инвестиций, финансово-банковские структуры БРИКС и т.п.), призванную подорвать монополию и влияние патронируемых американцами структур — МВФ, Всемирного банка, Азиатского банка развития.

Наконец, концепция «одного пояса и одного пути», по сути дела, предлагает если не в полном смысле выделить Китаю зону его преобладающего экономического влияния, то явно выступает контрмерой и антитезой Трансатлантического и особенно Транстихоокеанского партнерства.

В США с нарастающим раздражением относятся к активности Пекина в создании новых финансовых организаций «с китайским акцентом». Недавно Б. Обама прямо заявил, что определять правила игры в мировой экономике должны США, а не кто-либо другой.

После обострения отношений России с Западом Москва пытается подтолкнуть Китай к более решительным действиям по «деамериканизации» мирового порядка, в т.ч. в глобальной экономике. Однако Китай дает понять, что в отношениях с США будет руководствоваться исключительно собственными интересами, тем более что в сфере экономики отношения Китая с Россией ни по масштабам, ни по структуре не являются сколько-нибудь весомой альтернативой китайско-американским связям. Показательно, что в январе-апреле 2015 г. экспорт Китая в США вырос на 9% при общем росте экспорта КНР на 1,6%, тогда как его экспорт в Россию сократился на 35,6%.

Давыдов А.С.:

7–8 июня 2013 г. в усадьбе Анненберг в Калифорнии в ходе встречи Президента США Б. Обамы и Председателя КНР Си Цзиньпина было официально продекларировано установление между двумя державами отношений «нового типа». Это событие имело свои причины и особую предысторию.

За почти четыре десятилетия со времени визита Р. Никсона в Пекин в феврале 1972 г. до прихода в Белый дом администрации Б. Обамы сформировалась устойчивая модель противоречивых и конфликтных, но многоплановых и очень тесных китайско-американских связей, основой которых являлась их базовая стабильность с тенденцией к постоянному углублению, покоящаяся на обоюдном понимании важности и глобальной значимости отношений двух стран при чередовании в них подъемов, порождаемых экономической взаимозависимостью и обоюдовыгодной конъюнктурой, и спадов на почве периодически возникающих кризисных ситуаций.

Долгие годы после Второй мировой войны американо-китайские отношения отличались враждебностью и высокой степенью недоверия. КНР и США и сейчас не союзники. Их интересы во многом не совпадают, а взгляды на мир зачастую противоречат друг другу. Недоверие по-прежнему сохраняется. Вместе с тем, эти страны не являются сегодня врагами. Не считая Китай противником, Вашингтон видит в нем, прежде всего, конкурента и важного торгового партнера.

Проблемы, связанные с преодолением мирового финансово-экономического кризиса, совпали по срокам с приходом Обамы во власть, выдвинувшись на первый план и во взаимоотношениях США и КНР. Резко ухудшив ситуацию в Америке, кризис, наоборот, способствовал подъему Китая на качественно новый уровень — по сумме совокупных показателей он стал реально претендовать на место второй державы мира. Это привело к изменению характера американо-китайских отношений: США начали ощущать свои определенные слабости, а Китай — силу, что придало ему крепнущее чувство уверенности в себе.

В сложившейся ситуации власти США, осознав свою неспособность одновременно осуществлять единоличное «руководство миром», а главное — нести за него ответственность — и при этом решать сугубо внутренние проблемы, предложили китайцам разделить бремя мирового лидерства в формате G-2, ни на минуту не ставя, однако, под вопрос свое главенство в этом «двумвирате». Американское предложение о «двойке» было решительно отклонено Пекином.

Будучи не в состоянии помешать подъему Китая, США узрели свою основную цель в том, чтобы не оставить КНР иного выбора, кроме как стать полноценным участником международной системы правил и институтов, созданных ими самими и их союзниками, и добиться, чтобы комплексная мощь Китая не выходила за рамки этой системы.

Но добиться этого Западу оказалось не под силу. Даже после органичного встраивания в глобальную систему свободного рынка и заверений в том, что он не намерен посягать на ее основы, Китай дал понять миру, что **политическому диктату** со стороны США и Западу подчиняться не будет.

Рост могущества КНР неизбежно отразился на ее внешнеполитическом поведении, претерпевшем качественные изменения. Его прежняя модель, обусловленная «заветами Дэн Сяопина» периода 1980–90-х гг. о необходимости накопления сил и потенциала при одновременном, но **временном воздержании** от излишней внешней активности, уступила место открытому, энергичному и прагматичному внешнему курсу, направленному исключительно на отстаивание своих экономических завоеваний и защиту собственных региональных и глобальных политических интересов самими разнообразными средствами, вплоть до силовых.

Эскалация взаимного недоверия привела к тому, что администрация Обамы, начавшая свой китайский курс с реверансов в адрес КНР, объявила об экономическом и военно-политическом «возвращении США в тихоокеанскую Азию», провозгласив ее приоритетной сферой своих интересов.

На это заявление Китай прореагировал нервно. Последовал ряд шагов со стороны Пекина по укреплению собственных позиций в Северо-Восточной Азии и АТР в целом, причем не только торгово-экономических и политических, но и военных. Особое внимание было уделено наращиванию и модернизации военно-морского флота и военно-воздушных сил НОАК.

В совокупности с усилением американского военного присутствия в регионе ситуация в нем стала угрожающе накаляться. И все же в конечном итоге возобладал обоюдный разум. Сдерживающими факторами выступили: взаимная боязнь непоправимого ущерба в случае доведения взаимоотношений до роковой черты; обоюдное тяготение к приоритетному решению возникающих проблем мирными средствами; общее понимание того, что силовые методы в таких случаях являются нежелательным и крайним способом; стремление, несмотря на минимум склонности у обеих сторон к уступкам и компромиссам, искать и достигать договоренностей по ключевым разногласиям во избежание еще большего обострения отношений.

Мотивировка этой сдержанности коренилась во взаимозависимости и обоюдо-выгодной заинтересованности сторон в поддержании несмотря ни на что нормальных отношений, обусловленных переплетением торгово-экономических уз, производственно-технологическим взаимодействием и тесными валютно-финансовыми связями — т.е. тем накопленным совместным «багажом», который на данный момент «перевешивал» все существующие между ними раздоры и конфликты.

С учетом фактора повышения геополитического веса и влияния КНР политика США в отношении Китая претерпела в последние годы определенную трансформацию, совершив отход от импульсивности и реактивности к большей взвешенности и упорядоченности. Неудивительно поэтому, что и в КНР стали чаще задумываться о приведении своего американского курса в большее соответствие со складывающейся геополитической реальностью.

Первый сигнал о серьезных намерениях в этой области прозвучал в январе 2011 г. в совместном заявлении руководителей США и Китая по итогам поездки в Америку тогдашнего Председателя КНР Ху Цзиньтао, где стороны обязались прилагать «усилия по установлению отношений... основывающихся на взаимоуважении, **взаимной пользе и взаимовыигрыше**».

Востребованность нового качества в отношениях Китая и США усилилась после изменений в руководстве обеих стран — избрания Си Цзиньпина сначала генеральным секретарем ЦК КПК, а затем — Председателем КНР и кадровых перестановок в американской администрации после президентских выборов 2012 г.

Следуя, в определенном смысле, западной традиции и нормам ее политтехнологий, КНР предприняла попытку отказа от «обезличенности власти», характерной для двух предыдущих поколений ее лидеров, и вступила на путь «вращения» харизматичного вождя.

Среди важных составляющих имиджа нового китайского руководителя не последнее место было отведено выдвижению им концептуальных новаций. Так, наряду с доктринами «китайской мечты» и «экономического пояса Шелкового пути», возникла идея **«выстраивания между великими державами отношений нового типа»**, которая нашла позитивные отклики и у американской администрации.

Конечно, обоюдное желание сторон улучшить качество взаимоотношений мотивировалось не только этим. Одним из главных побудителей было стремление отодвинуть их от края обрыва, на котором они балансировали на протяжении нескольких последних месяцев 2012 — начала 2013 гг. из-за обострения ряда двусторонних и региональных конфликтов (кибершпионаж, Сирия, территориальные споры в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и др.).

Не исключено, что эта инициатива со стороны КНР одновременно была нацелена и на нейтрализацию «американской перебалансировки в АТР». Узрев слабости Обамы

во внешнеполитической сфере, китайцы решились затеять собственную «перебалансировку», смысл которой состоит в том, чтобы не отвечать «грубостью на грубость», а начать с Америкой более тонкую игру, активнее привлекая ее к взаимодействию.

У китайской стороны предтечей выдвижения идеи выстраивания «отношений нового типа» стал официально провозглашенный в отчетном докладе XVIII съезду КПК подход к установлению «нового соотношения сил» между двумя странами. И хотя в партийном документе постулировалось, что этот подход имеет универсальный характер и распространяется на отношения КНР и с другими основными государствами, в фокусе оказались, прежде всего, США.

Подразумевалось, что в отличие от прошлого, когда вследствие асимметричности сил Китай в отношениях с Америкой играл преимущественно пассивную роль, теперь этот разрыв сократился, и роль КНР становится более активной, что придает китайско-американским отношениям форму более сбалансированного сотрудничества.

В то же время Китай ясно обозначил намерение воздерживаться от борьбы за гегемонию и избегать сценария «холодной войны» времен советско-американского противостояния. Он фактически солидаризировался с мнением о том, что во взаимосвязанном мире обоюднвыгодные решения дают больше преимуществ, чем «игра на выбывание», и при столкновении с транснациональными проблемами и глобальными угрозами у всех стран существует общность интересов.

Что касается США, то у них в качестве выбора пути дальнейших взаимоотношений с КНР, по мнению авторитетных международных экспертов, имелось три основных возможности:

- а) усиление стратегического соперничества;
- б) сохранение существовавшего положения;
- в) переход к созданию нового механизма сотрудничества, в котором, наряду с признанием стратегического соперничества двух государств, были бы определены ключевые области общих интересов, совместная работа над которыми «сужала бы зияющую пропасть недоверия» между ними².

11 марта 2013 г. советник президента США по вопросам национальной безопасности Т. Донилон, выступая на собрании Азиатского общества в Нью-Йорке, официально объявил об идеях построения новых отношений между США и Китаем, заявив, что США приветствуют подъем мирного и процветающего Китая, **отказываются от концепции «столкновения двух держав»** и намерены по-прежнему внимательно относиться к китайско-американским отношениям, расширять сотрудничество, корректировать различия, прикладывать усилия для создания отношений нового типа между двумя странами. **Углубленный диалог по военным вопросам** является необходимой составляющей процесса поиска таких отношений, подчеркнул он³.

Углублению новых тенденций в отношении США и Китая должно было, по замыслу руководства обеих стран, способствовать и обновление их внешнеполитических команд. В КНР Ван И сменил Ян Цзечи на посту министра иностранных дел. А новым госсекретарем США стал Дж. Керри.

Первый после вступления на пост госсекретаря США визит в КНР Дж. Керри совершил 13–14 апреля 2013 г. с целью определения и уточнения повестки нового этапа взаимоотношений.

Определяющей для подготовки намеченной в США встречи американского президента с Председателем КНР стала поездка в Китай в мае 2013 г. вице-президента США Дж. Байдена, встретившегося с Си Цзиньпином. Стороны подтвердили договоренность о совместном формировании отношений нового типа, характеризующихся отказом от конфронтации и противостояния, взаимоуважением, сотрудничеством и обоюдным выигрышем. Они констатировали общую ответственность за сохранение мира и стабильности, важность поддержания стратегических контактов. Большое внимание было уделено проблемам торгово-экономического сотрудничества, укреплению межрегионального взаимо-

действия, форсированию переговоров по соглашению о двусторонних инвестициях, улучшению координации макроэкономической политики.

Американская сторона констатировала, что дальнейшее развитие Китая в полной мере соответствует интересам США. Была достигнута договоренность об укреплении контактов и усилении координации позиций обеих стран.

Запланированная на 7–8 июня 2013 г. встреча лидеров двух стран в Калифорнии предоставляла им шанс «подтянуть» политические отношения между Америкой и Китаем, приблизив их к экономическим, которые выглядели впечатляюще. По некоторым их параметрам у Пекина имелись все основания почувствовать себя равным Вашингтону.

В 2012 г. КНР вышла на первое место в мире по объему международной торговли. Суммарный объем импорта и экспорта США составил 3,8 трлн долл., а Китая — почти 3,9 трлн долл. В том же году общий объем американо-китайской торговли достиг 484,6 млрд долл. В апреле 2013 г. дефицит торгового баланса США с Китаем вырос на 34,8% — с 17,9 млрд долл. до 24,1 млрд долл.

Не только абсолютные цифры прироста внешней торговли КНР, но и качество этого прироста, в том числе на американо-китайском направлении, выглядели весьма внушительно. Доля высокотехнологичной продукции в импорте США из Китая стремительно росла. Согласно официальным статистическим данным США, импорт высокотехнологичных товаров из КНР в 2010 г. составил 115,7 млрд долл. (31,3% общего объема импорта из Китая) по сравнению с 19,2% (29,4 млрд долл.) в 2003 г. По прогнозам Всемирного банка, в следующем десятилетии Китай должен опередить США по уровню сбережений⁴.

В ходе встречи в Анненберге с китайской стороны прозвучали предложения построить новые отношения в контексте четырех тезисов: повысить уровень взаимодоверия и открытого диалога, а также институализировать встречи политической элиты двух стран по всем возможным каналам («двадцатка», АТЭС и пр.); «открыть новые горизонты экономического сотрудничества, осуществить смягчение ограничений на экспорт в КНР высокотехнологичной продукции, развитие двусторонней торговли и инвестиционных институтов; найти новую форму взаимодействия, всячески поощрять и стимулировать сотрудничество по острым международным проблемам; найти новый способ «преодоления разногласий» и активно способствовать военному сотрудничеству в рамках нового типа взаимоотношений.

Ответ Обамы на китайские инициативы был более общим и нивелированным. В итоге китайская сторона резюмировала, что для выстраивания с США двусторонних отношений «нового типа» Китаю предстоит выдержать три крупных испытания:

- 1) установление геостратегического баланса между КНР и США в АТР;
- 2) состязание за рынки и право выработки правил международной торговли;
- 3) разработку соответствующих норм поведения в киберпространстве⁵.

Основным политическим итогом состоявшейся встречи, по мнению российских и зарубежных наблюдателей, стало повышение уровня доверия между руководителями США и Китая. Стремление нового китайского лидера поддерживать отношения с США в «нормальном и правильном русле» вылилось в его важное заявление о том, что в Тихом океане «достаточно места для таких двух больших стран, как Китай и США. Одновременно это означало, что по мере роста своей комплексной мощи КНР стремится к большей сбалансированности отношений с Америкой, намерена играть роль мировой державы, но совместно с другими странами «работать над решением общемировых проблем».

Сторонам в целом удалось договориться о необходимости укрепления сотрудничества в военной сфере путем обновления модели взаимоотношений между вооруженными силами двух государств, улучшения координации их экономической политики. Важным достижением при обсуждении вопросов региональной безопасности стали максимальное сближение их позиций и подходов по денуклеаризации Корейского полуострова и согласие в том, что добиваться урегулирования территориальных разногласий, в

т.ч. по островам в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, следует «исключительно политико-дипломатическими методами».

В числе сохранившихся противоречий остались сирийский вопрос, проблема прав человека в Китае и экономические разногласия в связи с курсом юаня, торговым дефицитом США и пр. К успехам саммита можно было отнести также две договоренности — о сокращении взаимных выбросов в атмосферу парниковых газов и совместной борьбе против киберугроз.

Встреча логически подытожила усилия Китая с целью убедить США в целесообразности перевода сложного комплекса взаимоотношений двух стран от движения к конфронтации или взаимодействия под американским доминированием на рельсы конкурентного сосуществования, но при взаимном учете ключевых интересов обеих сторон.

Чтобы уменьшить беспокойство США по поводу своей растущей мощи, Китай декларировал отсутствие у него намерения разрушить существующую международную систему под американским патронатом. Более того, он предложил создание некоей двусторонней структуры, «выходящей за рамки традиционных способов появления новых мировых держав».

КНР фактически поддержала США в вопросе о предоставлении большей ответственности странам, которые приобретают статус мировых держав, что по существу означало формальное «закрытие Китаем глаз» на действия американцев в обход коллективных международных органов при условии, что такая возможность будет зарезервирована и за самими этими странами.

Таким образом, в ответ на прежние американские предложения о форматах взаимоотношений с КНР в виде «большой двойки» или «кимерики» Пекин представил свой план разграничения сфер мирового влияния, вокруг которого, очевидно, и должны были разворачиваться поиски приемлемой для обеих сторон модели китайско-американского сосуществования и взаимодействия.

10–11 июля 2013 г. в Вашингтоне состоялся 5-й раунд американо-китайского стратегического и экономического диалога с участием высокопоставленных представителей двух стран, который, по оценкам международных аналитиков, стал отправным пунктом в закладывании фундамента тех самых «отношений нового типа», о необходимости которых договорились за месяц до этого лидеры США и КНР.

Выстраивание таких отношений предполагало, в первую очередь, устранение препятствий в торгово-экономической области, в сферах сетевой безопасности и интеллектуальной собственности, в вопросах вооружения Америкой Тайваня, денуклеаризации Корейского полуострова, территориальных споров в регионе Восточной Азии. И хотя очевидно, что данный форум не смог снять всех существующих противоречий, по оценкам аналитиков и общему признанию сторон, после состоявшейся в июне встречи Б. Обамы и Си Цзиньпина отношения двух стран продолжили более сбалансированное развитие.

Благодаря инициативам обоих лидеров открылись новые возможности укрепления межгосударственного военного сотрудничества, участились различные межармейские обмены и контакты. Китай выразил согласие принять участие в международных военно-морских маневрах «Римпак-2014».

Одновременно в политических и экспертных кругах США и Китая обратили внимание на возникновение важной проблемы, затронувшей планы развития и интересы обеих стран. Суть ее состояла в том, что экономических, политических, военных и иных ресурсов США, включая факторы т.н. «мягкой силы», определенно не хватало для того, чтобы в одно и то же время осуществлять «перебалансировку» в АТР и отстаивать свои интересы в Сирии, Иране и других регионах мира.

В этой связи примечательным стало заявление нового помощника президента по национальной безопасности С. Райс во время выступления в Джорджтаунском университете о том, что «перебалансировка в АТР как краеугольный камень американской внеш-

ней политики» фактически рассматривается Вашингтоном в качестве составной части поиска нового типа отношений с КНР. То есть Китаю попросту предлагалось воспринять ее как должное и смириться с эскалацией американского присутствия в Азии.

Пекин не замедлил с ответом, пояснив, что достижение Штатами целей стратегии их «перебалансировки» в долгосрочной перспективе потребует темпов вложений, сопоставимых с темпами роста Китая, что само по себе маловероятно с учетом внутриэкономических и политических проблем в США. К тому же, по мере роста комплексных возможностей Китая, который будет неизбежно оказывать влияние на соседние регионы, гибкость американской глобальной стратегии будет становиться все более ограниченной по причине возрастающего «высасывания» из США ресурсов на нужды АТР. Другими словами, Китай дал понять, что не намерен, даже в условиях выстраивания «отношений нового типа», мириться с посягательствами США на его сферы влияния и интересы в тихоокеанской Азии.

В сфере безопасности обе стороны поддерживали контакты по вопросам, касающимся Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Сотрудничество двух стран охватывало вопросы, касающиеся ядерной проблемы Ирана и Корейского полуострова, сирийского кризиса, почти все важные международные и региональные темы.

Интенсивность контактов между США и КНР не ослабла и в 2014 г. 24 марта в Гааге в рамках саммита по ядерной безопасности состоялась встреча Обамы и Си Цзиньпина.

Наряду с констатацией благоприятных тенденций в развитии двусторонних связей в ходе встречи была отмечена сложность современной международной обстановки, воздействие на нее кризиса вокруг Украины и ряда других негативных факторов. Американская сторона выразила сомнения в мотивах наращивания Китаем морского и космического потенциала, в целесообразности создания им зоны противовоздушной обороны.

Китай, со своей стороны, высказал недоумение по поводу попыток тотального контроля киберпространства со стороны Агентства национальной безопасности США, проникновения в правительственные и банковские структуры КНР. В целом была констатирована стабилизация отношений двух стран, признание того, что, несмотря на некоторые расхождения, они способны открыто выражать свое мнение, налаживая конструктивное сотрудничество при урегулировании актуальных проблем.

Тем не менее, в апреле 2014 г. обозначились резкие расхождения в позициях двух стран по проблемам развития ситуации в азиатском регионе. США раскритиковали Китай за создание опознавательной зоны ПВО в Восточно-Китайском море, одновременно заявив, что поддерживают Японию по поводу территориальной принадлежности островов Дяоюйдао (Сенкаку).

КНР, в свою очередь, решительно отмежевалась от намерений Запада относительно введения санкций против России в связи с ситуацией вокруг Украины, чем вызвала недовольство, в том числе и в США, объявивших что «события наподобие аннексии Крыма Россией предсказуемо могут резонировать в других частях мира, включая Азию». МИД КНР в своем заявлении указал, что санкции не способствуют разрешению проблемы и могут привести лишь к усилению напряженности.

Некоторые эксперты, в частности китайские, не без оснований полагали, что учитывая проводимую США стратегию реформирования и их возрастающее военное присутствие вблизи Китая, перспективы построения нового типа отношений выглядят удручающими. Очередная поставка вооружений Тайваню или новый всплеск «цветных революций», например, в Центральной Азии, вблизи от границ КНР, возможность катализа протестных технологий с участием западных институтов и СМИ могут способствовать нагнетанию внутриполитического давления в стране, которое загонит китайское руководство в угол и лишит его пространства для маневра, необходимого для того, чтобы занять во внешней политике решительную и гибкую позицию.

Следствием этой озабоченности стали инициативы Пекина по строительству экономического пояса Шелкового пути. Если американский «поворот к Азии» нацелен на создание реальной угрозы морским транспортным путям, по которым осуществляется до 90% китайской внешней торговли, то прокладывание Китаем во взаимодействии с Россией сухопутных коммуникаций через Евразию позволяет не только дистанцироваться от американских угроз, но и впоследствии установить контроль над этим субконтинентом.

Пока очевидно, что даже в обновленном виде китайско-американские отношения не застрахованы от резких перепадов. Провозглашение в июне 2013 г. «установления между Америкой и Китаем отношений нового типа» несколько разрядило накалившуюся атмосферу противоборства двух стран, но в долгосрочном плане не должно никого вводить в заблуждение. Реальная разрядка между США и КНР станет возможной лишь тогда, когда в результате геополитических маневров, которыми обе стороны заняты постоянно, они «нащупают» такую парадигму разграничения зон и сфер влияния, которая безоговорочно устроит обоих.

Лексютина Я.В.:

На протяжении периода, прошедшего с начала XXI в., США и Китай ведут поиск путей гармонизации их двусторонних отношений, развивающихся в условиях объективно крепнущего соперничества между государством — мировым лидером и стремительно наращивающей мощь потенциальной сверхдержавой. Обе стороны неоднократно предлагали различные концептуальные модели развития американо-китайских отношений, которые позволили бы им сосуществовать бесконфликтно. Наиболее известными из них, выдвинутыми американской стороной, были концепция «ответственного акционера» и инициатива «G-2». Проиgnорировав американские предложения, предлагавшие Пекину, по сути, роль «младшего брата», китайская сторона выдвинула в 2013 г. новаторскую идею построения «отношений нового типа между великими державами».

Вашингтон воспринял ее, и оба государства, казалось бы, достигли взаимопонимания относительно того, какими они хотят видеть их двусторонние отношения. Однако, как показывает развитие событий, задача построения «отношений нового типа между великими державами» остается лишь красивым и броским слоганом, характер взаимоотношений между двумя странами не меняется. Официальная риторика высокопоставленных представителей США и Китая о крепнущем двустороннем сотрудничестве и установлении «отношений нового типа» между ними имеет мало общего с реальностью: в американо-китайских отношениях по-прежнему происходит углубление противоречий и соперничества. Они затрагивают вопросы, связанные с проблематикой Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, с кибербезопасностью, свободой Интернета в КНР, с ситуацией в Гонконге. Продолжает усиливаться соперничество двух стран в АТР, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке.

США и Китаю не удастся гармонизировать двусторонние отношения, вывести их на принципиально новый уровень, характеризующийся стратегической стабильностью и стратегическим взаимодоверием. Представляется, что корни этой проблемы в определяющей степени кроются в подходах и политике Вашингтона в отношении Китая. Несмотря на официальное принятие идеи установления «отношений нового типа между великими державами», Вашингтон продолжает демонстрировать нежелание учитывать и уважать «коренные» интересы КНР, строить отношения с ней на равноправной основе без постоянного регламентирования различных аспектов международной и внутривнутриполитической деятельности китайского руководства. Более того, китайская сторона нередко обращает внимание на американскую политику «двойных стандартов», проявляющуюся в принципиально различающихся требованиях, критериях и нормах поведения, предъявляемых Вашингтоном к Китаю, с одной стороны, и к самим США и их союзникам или близким партнерам, с другой. То, что дозволено Вашингтону и его союзникам, подвергается порицанию и категорически не допускается в поведении Пекина. Китай нередко

становится объектом жесткой критики со стороны Вашингтона за действия, которые при иных обстоятельствах, когда на месте Китая были бы сами США или их союзники, не преподносились бы в негативном ключе и позиционировались бы как полностью оправданные с точки зрения реализации национальных интересов соответствующего государства. Применение Вашингтоном двойных стандартов в отношении Китая служит, с точки зрения Пекина, одним из главных препятствий к налаживанию стратегического доверия между двумя странами.

Двойные стандарты Вашингтона в отношении Китая наиболее явно прослеживаются в правозащитной сфере, в области борьбы с терроризмом, в вопросах, затрагивающих наращивание Китаем военного потенциала. Так, уже на протяжении, как минимум, двух десятилетий на страницах американских докладов о правах человека и свободе вероисповедания в мире, равно как и в ходе американо-китайских встреч на высшем уровне Вашингтон обращает внимание на отсутствие должного обеспечения гражданских и политических прав и свобод в Китае, на существенные ограничения в КНР свободы вероисповедания (особенно сильно сказывающиеся на тибетских буддистах, уйгурских мусульманах и последователях «Фалуньгун»), на жесткое государственное регулирование китайскими властями Интернета и на прочие многочисленные случаи нарушений в правозащитной области.

Пекин в свою очередь обвиняет Вашингтон в использовании вопроса о правах человека в целях реализации национальных интересов США и в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела Китая, а также в умышленном нанесении ущерба его имиджу. В документах о положении прав человека в США, ежегодно выпускаемых Пекином в ответ на аналогичные доклады Госдепартамента США, обстоятельно и подробно перечисляются многочисленные случаи нарушения прав человека в самих Штатах. В этой связи Пекин ставит под сомнение право Вашингтона играть роль «мирового судьи прав человека», а также констатирует наличие двойных стандартов в его подходах, предполагающих право критиковать другие страны (в том числе Китай), не желая замечать и признавать серьезнейшие проблемы в правозащитной сфере в самих США⁶.

Примером применения Вашингтоном двойных стандартов в правозащитной области может служить также вопрос свободы Интернета. Обвиняя Пекин в создании жесткого режима цензуры национального сегмента всемирной сети, Вашингтон сам активно занимается осуществлением надзора над Интернетом, тщательно отслеживая размещаемую там информацию, социальные медиа и частную электронную переписку пользователей, не ограничивая себя при этом, в отличие от Пекина, национальными границами. Сильный международной резонанс вызвали обнародованные Э. Сноуденом в 2013 г. сведения об американской секретной программе «PRISM», созданной с целью негласного сбора и контроля информации о пользователях Интернета и телефонной сети. К осуществлению контроля над Интернетом в русле этой масштабной программы американскими спецслужбами были привлечены крупнейшие мировые IT-компании.

Раскрытие сведений о программе «PRISM» не привело к отказу или хотя бы смягчению критики со стороны США в адрес других стран за установление ими контроля над Интернетом. Принципиальная разница, по логике Вашингтона, состоит в том, что американский контроль над Интернетом осуществляется исключительно в благих целях предупреждения террористической деятельности, в то время как, например, китайская цензура Интернета направлена на ограничение распространения информации и возможности свободного выражения политических взглядов китайских граждан. В этой связи Пекин утверждает, что под предлогом свободы Интернета США претендуют на мировую гегемонию и придерживаются политики «двойных стандартов»⁷.

Во взаимосвязи с правозащитным курсом можно рассматривать и проявление двойных стандартов США в сфере противодействия терроризму. Уже долгое время Пекин безуспешно пытается заручиться поддержкой Вашингтона в борьбе с уйгурским терроризмом, проблемой, со всей остротой стоящей перед китайским руководством с

1990-х гг. Большие надежды КНР, в частности, были связаны с объявлением Вашингтоном войны международному терроризму после событий 11 сентября 2001 г. Однако единственной наградой Пекину за участие в международной антитеррористической кампании стало внесение по запросу китайских властей в 2002 г. в официальный список террористических организаций «Исламского движения Восточного Туркестана», представлявшего собой радикальную группу сторонников создания независимого от Китая исламского государства. С тех пор Вашингтон ни разу не удовлетворил просьбы Китая о внесении в список террористических организаций других групп, причастных, по утверждению Пекина, к террористической деятельности (таких, как Организация освобождения Восточного Туркестана, Информационный центр Восточного Туркестана, а также Всемирный конгресс уйгурской молодежи, в 2004 г. объединившийся с Национальным конгрессом Восточного Туркестана во Всемирный уйгурский конгресс).

США не только не поддерживают борьбу Пекина с уйгурским терроризмом, но систематически критикуют Пекин за то, что тот зачастую не делает различий между мусульманскими верующими и сторонниками так называемых «трех враждебных сил» — международного терроризма, национального сепаратизма и религиозного экстремизма. Упорное нежелание Вашингтона замечать исходящую от радикально настроенных уйгуров угрозу для населения Китая не находит понимания в Пекине, особенно на фоне учащения с 2013 г. осуществленных уйгурами террористических актов и радикализации уйгурского движения за независимость (ареал осуществления террористических актов теперь не ограничен СУАР, а охватывает и другие китайские провинции).

Двойные стандарты сильно проявляются и в восприятии Вашингтоном права Китая на военную модернизацию и укрепление национальной обороны. Пекин систематически подвергается резкой критике за увеличение военных расходов, большие размеры оборонного бюджета, отсутствие прозрачности в вопросах военной модернизации, усиление военного потенциала, стимулирующего, по мнению Вашингтона, гонку вооружений в Восточной Азии и, как следствие, рост региональной нестабильности.

В первую очередь Вашингтон обращает внимание на продолжительный и устойчивый рост оборонного бюджета КНР, ежегодное увеличение которого в период с 2004 по 2013 гг. составляло в среднем 9,4%. Согласно китайским официальным данным (которые, как утверждают западные источники, существенно занижаются), в 2013 г. он возрос на 10,7% по сравнению с предшествующим годом, составив 114,3 млрд долл., в 2014 г. расходы на оборону были увеличены на 12,2% от уровня 2013 г., достигнув 132 млрд долл., а в 2015 г. они возрастут на 10,1% и составят 142 млрд долл.⁸

По расходам на оборону Китай занимает второе место в мире, уступая лишь США, но существенно превосходя своих соседей. При этом валовые показатели военных расходов Китая увеличиваются быстрее, чем у других азиатских стран: с 2010 по 2014 гг. доля КНР в общем объеме военных расходов в Азии возросла с 28 до 38%⁹. По расчетам Стокгольмского института исследований проблем мира (СИПРИ), доля Китая в мировых расходах на оборону в 2013 г. составила порядка 11%.

Апеллируя при оценке китайских оборонных расходов, как правило, к высоким темпам увеличения оборонного бюджета и росту абсолютных показателей расходов на оборону, Вашингтон, между тем, игнорирует другие не менее важные показатели, такие как доля расходов на оборону в ВВП или душевые показатели расходов на оборону, которые дают совсем иную картину военных расходов Китая. Так, доля расходов на оборону в ВВП Китая весьма скромная: в 2013 г. она составила всего лишь 2%, что ниже аналогичных показателей большинства входящих в ведущую десятку по военным расходам стран: США (3,8%), России (4,1%), Саудовской Аравии (9,3%), Франции (2,2%), Великобритании (2,3%), Индии (2,5%) и Южной Кореи (2,8%)¹⁰. Согласно китайским данным, в 2014 г. доля расходов на оборону в ВВП не достигла и 1,5%, что ниже среднемирового уровня, составляющего 2,6%¹¹. Доля расходов на оборону в ВВП у Китая остается почти неизменной с начала XXI в.: в 2000–2013 гг. она колебалась в пределах 1,9–2,2%. Это свидетельствует о

том, что рост оборонных расходов Китая происходит не за счет повышения доли расходов на оборону в ВВП, а за счет роста ВВП при неизменном процентном уровне отчислений на военные нужды. Как было отмечено в одном из докладов СИПРИ, даже рост территориальных противоречий в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях не повлиял на военные расходы КНР — Пекин продолжает придерживаться долгосрочной политики повышения военных расходов пропорционально экономическому росту¹².

Китайские расходы на оборону выглядят еще более скромными, если оценивать подушевые показатели. Так, оборонные расходы на душу населения Китая составляют 1/22 от аналогичных показателей США, 1/9 — Великобритании, 1/5 — Японии¹³. В мировом рейтинге расходов на оборону из расчета на душу населения Китай занимает только 76-е место, в то время как США — пятое.

Ставя под сомнение право Китая увеличивать оборонный бюджет, Вашингтон, в свою очередь, имеет огромный оборонный бюджет, достигающий суммы, эквивалентной совокупному показателю оборонных бюджетов остальных входящих в десятку крупнейших по военным расходам стран. Оборонный бюджет КНР на 2015 г. составляет менее одной трети запланированного оборонного бюджета США. В то время как в 2003–2013 гг. доля расходов Китая на оборону в ВВП колебалась в пределах 2,0–2,2%, доля США варьировалась в промежутке от 3,6 до 4,7%. Расходы США на оборону продолжают оставаться на высоком уровне, в реальном выражении достигая предыдущего исторического пика объемов военных расходов США конца 1980-х гг.¹⁴

Будучи уверенными в своем непререкаемом праве иметь самый большой оборонный бюджет и самую сильную армию в мире, Вашингтон постоянно привлекает внимание международного сообщества к фактам увеличения Китаем оборонного бюджета, к усилению тех или иных составляющих его военного потенциала, ставя под сомнение необходимость такого усиления и его мирную направленность. Естественные нужды укрепления оборонного потенциала стремительно развивающейся державы (к которой является Китай), Вашингтон зачастую преподносит в качестве свидетельства возрастающей «китайской угрозы». При этом усиление собственного военного потенциала, уже давно значительно превосходящего военный потенциал любой другой державы, США позиционируют как оправданные и разумные меры мирового лидера, несущего тяжелое бремя ответственности за обеспечение мировой и региональной безопасности.

Более того, обрушивая шквал критики на Пекин в связи с усилением китайских вооруженных сил, Вашингтон игнорирует факты наращивания оборонных расходов некоторыми американскими союзниками и партнерами в Восточной Азии, а в ряде случаев даже оказывает содействие в укреплении их военного потенциала. В период с 2009 по 2013 гг. наиболее быстрыми темпами в Восточной Азии рос оборонный бюджет не только Китая, но и Индонезии (возрос с 2009 г. на 93%, в то время как у Китая рост составил лишь 33%), Филиппин (возрос на 27%) и Вьетнама (на 24%)¹⁵.

Наиболее явно в этой связи двойные стандарты Вашингтона проявляются в отношении стран, выступающих участниками территориальных споров в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях: Китай безапелляционно порицается за увеличение оборонного бюджета, а рост военных расходов других участников территориальных споров позиционируется как оправданные меры по улучшению их обороноспособности перед лицом «китайской угрозы».

Так, с 2009 г. наблюдается неуклонный рост военных расходов и форсированная военная модернизация на Филиппинах, которые являются одним из пяти союзников США в регионе. Расходы на оборону возросли с 2 млрд долл. в 2009 г. до 3,5 млрд долл. в 2013 г. Согласно утвержденной в 2013 г. президентом Филиппин Б. Акино 5-летней программе модернизации вооруженных сил, Манила планирует в период с 2013 по 2017 гг. потратить 1,73 млрд долл. на приобретение военных кораблей, вертолетов и иных типов вооружений для укрепления своей обороноспособности.

В последние несколько лет США значительно расширили масштабы предоставления Филиппинам военной помощи: финансирование в рамках программы «Foreign Military Financing» было увеличено с 12 млн долл. в 2011 г. до 27 и 25 млн долл. в 2012 г. и 2013 г. соответственно и, наконец, до 50 и 40 млн долл. в 2014 г. и 2015 г.¹⁶

Тенденция увеличения расходов на оборону прослеживается и у другого союзника США — Японии. В 2013 г. произошло первое за предшествовавшие 11 лет увеличение оборонного бюджета Японии: на 1,15 млрд долл. или 0,8%¹⁷. Оборонный бюджет Японии в 2014 г. возрос на 2,8% от уровня 2013 г., а в 2015 г. он будет увеличен еще на 2% и составит 42 млрд долл.

Впечатляющие темпы увеличения расходов на оборону характерны и для Вьетнама, с которым Вашингтон стремится наладить военно-политическое сотрудничество. За десятилетие с 2003 по 2013 гг. военные расходы Вьетнама возросли в 4 раза с 842 млн долл. до 3,4 млрд долл. В целях оказания содействия Вьетнаму в укреплении его морской безопасности в 2013 г. Вашингтон одобрил предоставление Ханюю помощи на сумму 18 млн долл., предусматривающей в том числе передачу пяти современных патрульных катеров на ежегодной основе в течение пяти последующих лет¹⁸.

Тенденция увеличения военных расходов указанных стран имеет непосредственную связь с интенсификацией территориальных споров между ними и Китаем в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Не являясь стороной-участницей этих территориальных споров и публично заявляя о своем нейтралитете, США с середины 2010 г. стали проявлять повышенную активность в этих вопросах и фактически заняли сторону государств, отстаивающих свои права на острова и акватории в противобес Китае (в частности, Филиппин, Вьетнама и Японии). Осуждая Пекин за те или иные действия в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, Вашингтон, как правило, закрывает глаза на провокационные действия своих союзников и партнеров. Так, весной 2015 г. Б. Обама выступил с критикой в связи с возведением Китаем искусственных островов в Южно-Китайском море, обвинив Пекин в том, что тот «расталкивает локтями» своих более слабых соседей (Филиппины и Вьетнам)¹⁹. По некоторым оценкам, в течение 2014 г. Китай создал в нем от пяти до семи искусственных островов. Усиление позиций Китая в Южно-Китайском море посредством расширения военной инфраструктуры спорных островов и создания новых искусственных островов вызвало сильную волну критики со стороны Вашингтона.

Вместе с тем, как замечает в этой связи китайская сторона, Вашингтон, используя «привычную тактику извращения фактов и перекладывания вины», намеренно не замечает аналогичную деятельность других вовлеченных в эти территориальные споры стран²⁰. Так, согласно информации официального представителя МИД КНР Хун Лэя, на протяжении многих лет Филиппины и Вьетнам занимаются созданием искусственных островов, масштабным строительством аэродромов и иных сооружений, а также размещением ракет на спорных островах. Китай уличает Филиппины в строительстве на оспариваемых Китаем островах аэродрома, пристани, туристических объектов, в укреплении севшего на мель близ рифа Жэньхай военного корабля, а Вьетнам — в возведении многочисленных искусственных островов в районе архипелага Спратли, а также строительстве на спорных островах взлетно-посадочных полос, вертолетных площадок, ракетных позиций, административных корпусов, казарм, маяков, гостиниц и прочих объектов инфраструктуры²¹.

По мнению китайской стороны, в вопросе создания Китаем в ноябре 2013 г. опознавательной зоны противоздушной обороны в Восточно-Китайском море Вашингтон также проявил политику двойных стандартов, обвинив Пекин в нарушении регионально-го статус-кво, но являя забыв о том, что такие зоны уже давно установлены американскими союзниками и партнерами в регионе — Японией, Южной Кореей и Тайванем.

По убеждению США, перерастанию ситуации в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях из состояния латентного, «тлеющего» с конца 1990-х гг. конфликта, в

очаг вспыхнувших с новой силой противоречий, потенциально чреватый возникновением вооруженных столкновений, способствовал рост напористости Китая. Именно Китай, согласно логике Вашингтона, своими действиями провоцирует региональную нестабильность и гонку вооружений в регионе.

Пекин, напротив, интенсификацию территориальных споров в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях связывает с непосредственным вмешательством США в этот сложный узел территориальных противоречий, а также с ростом поддержки, которую Вашингтон оказывает своим союзникам и близким партнерам.

В целом нарастание американо-китайских противоречий в АТР стало происходить по мере реализации инициированного в 2009 г. Вашингтоном внешнеполитического курса «возвращения в Азию», направленного на восстановление отчасти утраченных США за предшествующее полтора десятилетия позиций в этом регионе и недопущение становления Китая в качестве регионального лидера. С этой целью Вашингтон не только предпринимает меры по вовлечению в сферу своего экономического влияния стран региона, но и расширяет свое военно-политическое присутствие в Восточной Азии: укрепляет военные союзы с восточноазиатскими странами, налаживает военно-политическое сотрудничество с другими странами региона, содействует некоторым государствам в укреплении их обороноспособности на фоне территориальных противоречий в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, развивает азиатский сегмент ПРО и, наконец, прикладывает усилия для дискредитации Китая среди его соседей.

Критикуя Пекин за аккумуляцию военной мощи и расширение масштабов проецирования его военной силы в Восточной Азии, Вашингтон занимается наращиванием своего военно-политического присутствия в регионе, к которому США с географической точки зрения не принадлежат. Провозгласивший в свое время доктрину Монро, закрепившую за США исключительные права в Западном полушарии и рассматривавшую любые попытки внерегиональных держав усилить их влияние там как угрозу безопасности США, Вашингтон не хочет признать исключительных прав Китая в Восточной Азии и не приемлет расширения влияния современного Китая в регионе, который логично бы было отнести к китайской естественной сфере влияния.

Любопытно, что если Пекин в развитии контактов с Латинской Америкой даже сейчас, когда доктрина Монро уже не является частью американской внешнеполитической стратегии, намеренно сдерживает углубление военно-стратегического взаимодействия со странами этого региона во избежание недовольства Вашингтона, США, напротив, всячески демонстрируют Китаю стремление сохранить за собой статус регионального лидера в Восточной Азии и проводят активную линию на налаживание военно-политического сотрудничества и укрепления союзнических отношений со странами этого региона. В Вашингтоне резко пресекаются предпринимаемые Пекином попытки создания новой региональной системы безопасности в АТР, которая должна придти на смену существующей системе, базирующейся преимущественно на двусторонних союзнических отношениях США с пятью странами региона.

Логика поведения Вашингтона в отношении Китая заключается в том, что США оставляют за собой право располагать полной свободой действий во имя реализации своих национальных интересов, при этом ограничивая свободу действий Пекина строгим регламентированием рамок, в пределах которых Вашингтон допускает функционирование Китая. Выход за эти рамки трактуется как проявление напористости и агрессивности Китая, подтверждение теории «китайской угрозы», а также как нежелание КНР играть роль ответственной державы на международной арене.

Принципиально важным представляется то, что двойные стандарты — это не отражение отдельных, частных случаев неадекватной оценки тех или иных аспектов внутривосточной или внешнеполитической деятельности китайского руководства, а манифестация общего настороженного подхода США к Китаю как к неумолимо усиливаю-

щейся конкурирующей державе, чуждой Вашингтону своими политико-экономической моделью, идеологией и ценностями.

Выстраивание отношений с Китаем на основе политики «двойных стандартов» и навязывания модели «должного», с точки зрения Вашингтона, «поведения» заведомо будет сопровождаться систематическими сбоями и микрокризисами двустороннего взаимодействия, обуславливая стратегическую нестабильность американско-китайских отношений. Только уважение Вашингтоном китайских коренных интересов, признание за Пекином права на собственный путь развития, понимание сложности стоящих перед китайским руководством на современном этапе незавершенности процессов модернизации национальных задач и развитие взаимодействия на паритетных началах (а не на основе диспозиции «ментор/нерадивый ученик») способно создать прочный фундамент для развития и углубления отношений между двумя великими державами — США и КНР. В противном случае эти страны будут неуклонно двигаться в направлении острого стратегического соперничества.

Антипов К.В.:

В последние месяцы в акватории Южно-Китайского моря заметно усиление противоречий по территориальным вопросам между Китаем и рядом государств Юго-Восточной Азии. В контексте американской политики «возвращения» США в АТР этот конфликт приобретает характер системной конфронтации между странами региона и способен оказать существенное влияние на процесс изменения баланса сил Китая и США в Восточной Азии.

Как показывает развитие китайско-американских связей за последние годы, в сферу диалога и практического взаимодействия КНР и США достаточно прочно вошли вопросы, затрагивающие важнейшие интересы двух стран в области международных отношений. К их числу относятся иранская ядерная проблема, международный терроризм, расширение взаимодействия на Ближнем и Среднем Востоке по Сирии и Ираку, совместные миротворческие и антипиратские мероприятия, афганская проблема, положение на Корейском полуострове, а также проведение совместных учений в Тихом и Индийском океанах. В последнее время в практическом ключе обсуждаются возможности налаживания сотрудничества в Центральной Азии. Очевидно, что именно в Азии и акватории омывающих ее морей Китаю и США удалось на данном этапе добиться наибольшего продвижения двустороннего сотрудничества в сфере безопасности на международной арене. Данная тенденция закрепляется тем, что и в других областях, прежде всего в торгово-экономической сфере, сформировались долговременные интересы, обеспечивающие дальнейшее китайско-американское сближение.

Однако отмеченные выше позитивные изменения в китайско-американских отношениях происходят на фоне продолжающегося сосредоточения в АТР политических, военных, экономических и иных ресурсов Америки с целью формирования в этом регионе центра глобальной стратегии США в XXI в. По заявлениям представителей США, с т.н. «перебалансировкой» в Америке связывают, прежде всего, перспективы сохранения ее роли как мирового лидера и доминирующей державы в данном регионе. Именно стремление не допустить снижения роли США и ограничить возможности дальнейшего укрепления позиций КНР даже в отношениях со своим ближайшим окружением Пекин рассматривает как главную цель американской политики на данном этапе. Эту оценку разделяют и многие в США, полагая, что сохранение статус-кво в этом регионе необходимо, поскольку дальнейший подъем КНР способен изменить баланс сил в Азии и создать угрозу американским национальным интересам.

Решение указанных задач США осуществляют в первую очередь путем модернизации традиционных союзнических и партнерских отношений со странами региона. В нынешних условиях эта политика, несмотря на заявления США о невмешательстве в территориальные споры, по существу делает Вашингтон одной из сторон территориаль-

ного конфликта между странами региона и КНР. При этом приоритет силовой традиции остается важнейшей характеристикой политики США в Азии. Обращает на себя внимание, что о необходимости перенацелить вооруженные силы США с Западной Азии на Дальний Восток было объявлено Пентагоном в рамках Национальной военной стратегии США еще до того, как эта установка нашла отражение в программных выступлениях Хиллари Клинтон в ноябре-декабре 2011 г. и вошла в Национальную стратегию безопасности США, утвержденную президентом. Основным ориентиром военной «перебалансировки» остается установка на переброску в Восточную Азию к 2020 г. 60% ВМС США, включая 60% ядерного подводного флота.

В Пекине подчеркивают, что Китай с пониманием относится к стремлению США играть важную роль в Восточной Азии, учитывая растущее значение этого региона в мировых делах, и не возражает против лидирующей роли США. Китайско-американское взаимодействие по проблемам Азии могло бы содействовать разрешению имеющихся здесь противоречий. На деле США содействуют «поляризации региона, ставят страны перед необходимостью выбора между Китаем и Америкой», поощряют милитаристские тенденции. В контексте этой ситуации, как в политических заявлениях, так и в неофициальном плане в Пекине все чаще говорят о переходном характере нынешнего этапа международных отношений, в рамках которого Китай выступает как «мирный реформатор», «постепенно продвигающий реформу международной системы», а США утрачивают монопольное положение мирового лидера.

Вместе с тем, в последнее время территориальные конфликты у берегов КНР, активизировавшиеся еще в 1970-х гг., приобретают характер системной конфронтации между Китаем и рядом соседних стран при возрастающем участии США. Основной причиной, как подчеркивают китайские представители, является реакция Вашингтона на продолжающееся усиление позиций КНР, а также попытки США построить отношения в регионе с опорой на военное превосходство. Разъясняя сущность нынешней ситуации, президент Китайского института по изучению проблем Южно-Китайского моря У Шицунь отмечает, что «политика Китая в отношении ЮКМ становится все яснее, и морской порядок в ЮКМ начинает обретать очертания в условиях доминирования Китая»²². Возможность реального изменения баланса сил с элементами «доминирования» Китая возникла в последнее время благодаря строительству крупных баз китайских ВМС на Хайнане и в Циндао, а также наращиванию и модернизации сил береговой охраны, созданию широкой системы гидрофонов на дне ЮКМ, массовому привлечению для патрулирования региона специально оборудованных рыболовческих судов и ряду других мероприятий. Это позволяет Китаю в перспективе существенно ограничить возможность операций в ЮКМ ВМС США, особенно подводных лодок.

Новый элемент в эту ситуацию вносит развернутое Китаем с начала 2014 г. строительство искусственных островов в акватории ЮКМ и сооружение на них военных и хозяйственных объектов, в том числе крупных взлетно-посадочных полос, способных принимать любые самолеты ВВС КНР. Эти мероприятия являются одной из наиболее масштабных и радикальных контрмер Китая и осуществляются в ответ на такую же деятельность Вьетнама, Филиппин и др., начавшуюся несколько раньше. В результате с начала 2014 г. площадь занятых китайцами рифов увеличилась в 400 раз и составила свыше 800 000 кв м. По словам представителей МИД КНР, Китай долго «проявлял сдержанность» и теперь не следует ожидать его отказа от мер по защите своих интересов. Однако масштабы объектов, воздвигаемых китайцами, далеко превосходят сооружения других участников территориального спора. Кроме того, в ЮКМ складывается новая международно-правовая ситуация, поскольку Пекин утверждает, что вокруг искусственных островов образуются 12-мильные зоны, в пределах которых КНР осуществляет суверенные права, исключая свободное передвижение иностранных субъектов, а также 200-мильные экономические зоны, в которых не разрешается свободное передвижение иностранных военных кораблей и самолетов. Закрепление этой ситуации является в настоящее время одной из главных целей политики

противодействия Китая территориальным притязаниям его соседей, а также усиливающемуся военному нажиму США. Говоря о мероприятиях КНР на островах и рифах в архипелаге Наньша, министр иностранных дел КНР Ван И отметил, что хотя эта деятельность ведется исключительно в рамках суверенных прав КНР, Пекин готов к диалогу с заинтересованными странами, в том числе с США и их союзниками, и считает такой диалог главным направлением в урегулировании возникающих конфликтов²³. Именно эта ситуация дает повод США активизировать военные мероприятия в ЮКМ, несмотря на официальные заверения КНР о мирном назначении возводимых объектов и предложения командующему ВМС США на Тихом океане использовать их совместно для обеспечения безопасности мореплавания, спасательных операций и т.д.

В результате на данном этапе в центре китайско-американских противоречий оказались требования США обеспечить свободу мореплавания и полетов в Южно-Китайском море, 90% площади которого в Пекине рассматривается как территория КНР. Позиции КНР и США были представлены на июньской встрече 2015 г. в ходе «Диалога Шангри-Ла» в Сингапуре в выступлениях министра обороны США Эштона Картера и заместителя начальника генштаба ВС КНР адмирала Сунь Цзяньго. Американская сторона заявляла, что США имеют полное право защищать свободу мореплавания и полетов «всюду, где это разрешено международным законодательством». Китайский представитель утверждал, что в ЮКМ никогда не было ограничений свободы мореплавания, а «строительные проекты осуществляются Китаем в пределах своего суверенитета». При этом США настаивали, что Международный морской закон (UNCLOS) позволяет им проводить разведывательные акции в исключительной экономической зоне Китая. Китай категорически отвергал эту позицию.

Намерение американской стороны добиваться «уважения существующего порядка» и «отвергать попытки одностороннего изменения статус-кво» в Южно-Китайском море было продемонстрировано в ходе последовавшего 16–17 мая визита госсекретаря Дж. Керри в Пекин. По словам Керри, региону нужны не сторожевые посты и военные аэродромы, а «умная дипломатия, чтобы принять совместно со странами АСЕАН «кодекс поведения», как это сделали США несколько лет тому назад. Со своей стороны Ван И подчеркнул, что «решимость Китая защитить свой суверенитет и территориальную целостность тверда как скала и неколебима». Председатель КНР Си Цзиньпин, принимая госсекретаря Дж. Керри в Пекине, заявил, что с его точки зрения, «отношения в целом сохраняют стабильность». Вместе с тем, по его словам, стороны должны «управлять и контролировать происходящие споры адекватным образом, чтобы генеральное направление двусторонних отношений не было затронуто». Он вновь подчеркнул, что Тихий океан может вместить обоих — Китай и США, показывая, что Пекин готов к двустороннему диалогу с США об установлении нового порядка в данном регионе²⁴.

Однако наряду с демонстрацией выдержки в Пекине дают понять, что усиление давления и возможные военные провокации получают решительный отпор. Например, в ЮКМ может быть создана зона контроля, наподобие уже существующей в Восточно-Китайском море. Предостережения о возможности создания зоны в ЮКМ возникли в связи с заявлениями американских представителей о намерении направлять военные суда и корабли в 12-мильные зоны вокруг построенных китайцами островов. 16 мая Керри говорил в Пекине, что эти угрозы не являются официальной политикой США. Но 20 мая состоялся репортаж CNN о полете разведывательного самолета ВВС США «Посейдон» над спорным районом, во время которого американские летчики получили от китайцев 8 предупреждений о нарушении воздушного пространства КНР. В Пекине подчеркивают, что Си Цзиньпин не восприимчив к военному давлению США, и Китай будет отвечать адекватно. «Таковы реалии новой внешней политики КНР»²⁵.

Процессы развития Китая создают объективные условия и необходимость для выравнивания баланса сил в регионе и очевидно, что эта задача входит в число приоритетов КНР. Говоря с Генри Киссинджером о формировании новых отношений между

КНР и США, председатель комитета по международным делам ВСНП КНР посол Фу Ин отмечала, что это будут «отношения равных». Однако зафиксировать это равенство Китая, видимо, будет готов лишь в более отдаленном будущем. По словам Фу Ин, «Китай, так быстро оказавшись на такой высоте в центре мировых событий... еще не вошел в свою роль... Потребуется время, чтобы стать игроком мирового уровня»²⁶.

При этом в Пекине исходят из понимания того, что основной тенденцией в отношениях КНР и США остается стремление обеих сторон к развитию двустороннего сотрудничества и распространению его на новые области. В этих условиях стратегической целью Китая в двусторонних отношениях остается избежание прямой конфронтации с Соединенными Штатами и преодоление имеющихся противоречий в рамках многопланового китайско-американского диалога, сформированного на протяжении всего периода китайско-американских отношений. Как отмечает профессор Партийной школы при ЦК КПК Чэнь Цзиминь, «визит Керри показывает, что отношения КНР — США все еще находятся на правильном пути, а расхождения между двумя странами поддаются управлению. Обе стороны придают своим отношениям чрезвычайно важное значение»²⁷.

Анализ выступлений американских представителей также позволяет предполагать, что в США могут рассматриваться варианты установления с Китаем более сбалансированных отношений в этом регионе. В пользу такого предложения говорят, например, высказывания Керри в контексте нынешней ситуации о переговорах с КНР по поводу возможностей расширения сотрудничества в Азии.

Петровский В.Е.:

Отношения КНР и США на современном этапе окончательно приобретают «глобальное измерение», становясь диалогом двух мировых сверхдержав. Они характеризуются сложной диалектикой соперничества и сотрудничества и все более углубляющейся взаимозависимостью в финансовой и торгово-экономической сферах, что делает вероятность открытой военно-политической конфронтации сторон весьма низкой.

Несмотря на то, что Пекин отверг предложение Вашингтона о формировании «Большой двойки (G2), справедливо опасаясь, что ему уготована роль младшего, ведомого партнера в этой конструкции, в среднесрочной и даже ближней перспективе нельзя исключать создания некоей модифицированной версии G2 в рамках существующего американо-китайского «стратегического диалога» по ряду конкретных вопросов и проблем, представляющих взаимный интерес.

При этом китайская сторона будет требовать равенства и уважения своих интересов при проведении такого диалога. Об этом свидетельствует явно обращенное к США недавнее заявление Председателя КНР Си Цзиньпина о том, что «в АТР всем хватит места». Это было предложение о переговорах об установлении сфер влияния в акватории Южно-Китайского и, возможно, Восточно-Китайского морей, являющееся своего рода ответом на обвинения американской стороны в том, что Китай осуществляет милитаризацию спорных островов и акваторий в Южно-Китайском море (ЮКМ).

Это предложение можно считать своего рода тестом для администрации Б. Обамы на готовность вести с Пекином равноправный диалог в этой, особо чувствительной сфере (которая была избрана для этого специально): пусть Вашингтон согласится считать регион ЮКМ сферой китайских интересов и займет нейтральную позицию в споре КНР с Вьетнамом, Филиппинами и другими странами региона по этому вопросу — и тогда будут возможны уступки с китайской стороны по другим вопросам, не менее чувствительным для Вашингтона.

При этом Пекин осознает, что Вашингтону и странам Запада в целом будет трудно остановить военные приготовления Китая в ЮКМ (создание насыпных островов для последующего размещения военных объектов) или противопоставить этим приготовлениям какие-либо симметричные ответные меры. В рамках диалога Китая и АСЕАН по этому вопросу китайская сторона неизменно высказывается за стремление решать проб-

лему исключительно мирным путем и подчеркивает при этом, что ни в коей мере не посягает на свободу судоходства в ЮКМ.

Вероятность такого кулуарного и конфиденциального американо-китайского диалога (который, возможно, уже идет, несмотря на пропагандистские заявления с обеих сторон) подкрепляется также объективной необходимостью для КНР и США установить некие взаимные «правила поведения» (комплекс военно-морских мер доверия и снятие озабоченности Китая по поводу региональной системы ПРО США в АТР) с тем, чтобы минимизировать риск опасной военной деятельности и инцидентов, неизбежных при возможном соприкосновении в регионе военных машин двух сторон.

Нельзя, кстати, исключить того, что администрация Б. Обамы, отрицающая на словах концепцию сфер влияния в современных мировых делах, будет вынуждена смириться с существованием сфер влияния не только Китая, но и России (Украина, отношения с другими странами постсоветского пространства).

Позиция Пекина становится все более уверенной и по другим вопросам международной повестки дня. Не оспаривая существующую систему глобального управления, Китай, по сути дела, бросает вызов «вашингтонскому консенсусу», создавая под своей эгидой новые международные финансовые институты и институты развития: официально не в противовес, а как бы в дополнение к существующим (МВФ, Всемирный банк), которые уже не совсем справляются со своими задачами.

Создавая эти институты или предлагая многосторонний проект создания Экономического пояса нового Шелкового пути (ЭПШП), Китай акцентирует свой отказ занять в них доминирующее положение (как это сделали США в МВФ и ВБ). Или в рамках переговоров по созданию под эгидой АТЭС Азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) продвигает, в противовес американскому проекту Транстихоокеанского партнерства (ТПП), проект Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), которое заведомо более привлекательно для большинства стран региона.

Также обращает на себя внимание стремление Китая выступить арбитром в споре России и Запада по поводу Украины и Крыма. Министр иностранных дел КНР Ван И на пресс-конференции по итогам недавней сессии ВСНП заявил, что все связанные с этим проблемы, включая проблему Крыма, необходимо решать «исключительно путем переговоров». Это можно расценить как завуалированный призыв к российской стороне к такому объяснению своих действий по Крыму, которое было бы хотя бы отчасти приемлемо для Запада и стало бы почвой для взаимного компромисса по Украине.

Шакура Д.Н.:

По мере роста влияния Китая на международные дела его отношения с США все острее воздействуют на положение в мире. При этом именно в АТР интересы двух стран переплетаются теснее всего, напрямую определяя зависимость ситуации в регионе от их состояния. Это проявляется в политико-стратегической сфере, где Вашингтон укрепляет альянсы с союзниками, мотивируя потребность в них ростом мощи Китая, и на экономическом поле, где американцы нацелены на формирование эксклюзивной зоны Транстихоокеанского партнерства (ТПП). В то же время на площадке Восточноазиатских саммитов и Регионального форума АСЕАН (АРФ) Пекин продвигает в рамках Совещания по мерам доверия в Азии (СВМДА) собственную созвучную концепцию общей и кооперативной безопасности, стремится не допустить излишней фрагментации регионального хозяйственного пространства, чему призваны содействовать инициатива о построении Всеобъемлющего регионального экономического партнерства и призывы к созданию «большой» Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли под эгидой АТЭС.

В отличие от большинства субрегионов АТР, где в силу относительной слабости остальных стран главенствует столкновение американских и китайских интересов, в Северо-Восточной Азии все происходит несколько по-иному, поскольку там фигурируют и другие важные факторы.

В первую очередь, это присутствие России, сравнимой по совокупному потенциалу или по ряду его аспектов и с США, и с Китаем. Сегодня она рассматривает США как ту часть АТР, где у нее действительно есть реальные жизненные интересы.

Особое место в США занимает Япония. С одной стороны, она американский союзник, фактически часть «американского блока». Однако от других партнеров США в регионе ее отличают две важные особенности.

Во-первых, Япония — не «генетический» союзник США подобно Австралии. Японцы «слеплены» из другого «цивилизационного теста», и довоенная история напоминает, что естественные интересы Токио и Вашингтона вряд ли можно считать совпадающими. Союз Вашингтона и Токио — это «брак по расчету», в его основе — покровительство Японии со стороны сильного в военном и экономическом отношении партнера, доступ к рынку которого позволял удерживать лидирующие экономические позиции в регионе. Однако сегодня на фоне стремительного роста азиатских соседей Токио одна из основ этого консенсуса — экономическая — постепенно теряет актуальность. Укрепляя «самостоятельность» Японии в военных делах и попустительствуя демонтажу системы ее послевоенных ограничений, американцы, вероятно, рассчитывают в недалекой перспективе переложить на плечи Токио львиную долю усилий по «сдерживанию» Китая. При этом они исходят из того, что японцы останутся верны США, в первую очередь, в силу присущей им идеологической близости. Однако нерешительность, которую демонстрируют японцы в вопросе антироссийских санкций, особый подход Токио к проблемам Ближнего и Среднего Востока, включая иранские дела, его неуступчивость в переговорах по ТТП свидетельствуют о том, что в ряде существенных вопросов они стремятся руководствоваться сугубо национальными интересами. О необратимости этих тенденций говорить пока рано, и пример быстрого ухода с политической арены Ю. Хатоямы в 2010 г., попытавшегося существенно уменьшить зависимость от США, говорит о сложностях осуществления независимого курса в нынешних условиях. Однако тот факт, что такая попытка была предпринята и, по некоторым оценкам, пошатнула японо-американский союз, является примечательным.

Во-вторых, Токио — единственный субъект в АТР, который всерьез может соперничать с Пекином в борьбе за региональное лидерство. Однако, учитывая быстрый рост экономической и военной мощи Китая, совершенно очевидно, что «тягаться» с ним Япония сможет только в том случае, если за спиной у нее будет потенциал США. И дисбаланс в пользу Китая, очевидно, будет только нарастать. Поэтому без американских «тылов» Япония, вероятнее всего, откажется от бесперспективных попыток меряться силами с Пекином. На примере Ю. Хатоямы очевидно, что силы в Японии, которые выступают за ее «равноправие» в отношениях с США, одновременно настроены на конструктивный диалог с Китаем и Россией. Однако сохраняющаяся устойчивость правительства С. Абэ свидетельствует, что консенсус удастся пока выстраивать лишь на почве традиционной дружбы с Вашингтоном против растущего Китая и при сохранении недоверия к региональным инициативам России.

И наконец, не следует забывать о двух корейских государствах. Возрастающая китайско-американская конкуренция привела к причудливым метаморфозам в отношениях этих двух стран и с Пекином, и с Вашингтоном. С одной стороны, налицо серьезное ухудшение северокорейско-китайских отношений, которое имеет непосредственное отношение к США: именно «ядерной угрозой КНДР» Вашингтон объясняет наращивание своей военной мощи, обращенной на самом деле, главным образом, против КНР. С другой стороны, в южнокорейско-китайских отношениях картина совершенно обратная. Несмотря на сохранение блоковой связи с Вашингтоном, Республика Корея оказывается экономически все более «пристегнутой» к Пекину, и растущее осознание этой связи оказывает влияние и на внешнюю политику Сеула. Его нежелание «подписываться» на полноценный трехсторонний альянс с Вашингтоном и Токио обусловлено не только исторической враждой, но и опасениями быть втянутым в консолидированный антикитайский

«ударный кулак», который может обернуться для Южной Кореи серьезной катастрофой. Если же Пекин окажется способным помочь Сеулу решить «проблему Севера», нельзя полностью исключить возможность того, что ценность союзнических отношений с Вашингтоном будет подвергнута южнокорейцами определенному пересмотру.

Не исключено, что в среднесрочной перспективе регион ждут серьезные перемены, и динамика китайско-американского диалога будет прямо влиять на процесс их протекания. В этой связи могут оказаться востребованы российские идеи о построении архитектуры равноправной безопасности, и в целом роль России как сильного и независимого регионального лидера окажется весьма кстати. Более того, из-за большой сложности и непредсказуемости ситуации в СВА именно активное включение России в дела региона в сфере безопасности и экономики будет способно купировать этот негативный потенциал.

Уянаев С.В.:

В международной политике нередко принято разделять две категории — декларации и реальную практику. Зачастую это происходит потому, что практические дела по тем или иным причинам «не дотягивают» до искренне декларированных целей. Но бывает и по-другому — когда в декларациях сознательно используются иносказания, своего рода «эзопов язык», намеренно маскирующий мысли автора или, по меньшей мере, придающий им расширительное толкование. При этом истинные намерения, понятно, не озвучиваются и могут заметно отличаться от заявленных. В любом случае, составителям подобных деклараций такой прием служит формальной «защитой» от нежелательных «внешних претензий».

Последний случай вполне может быть применим при анализе темы «Взаимодействие в БРИКС/РИК, ШОС в контексте противодействия гегемонизму в мировой политике». С одним очевидным уточнением: понятие «односторонняя или гегемонистская политика», как правило, ассоциируется в политологическом сознании, прежде всего, с действиями Вашингтона.

Если обратиться к конкретным документам, то в девяти совместных коммюнике (2005–2014 гг.) по итогам встреч глав МИД России, Индии и Китая (формат РИК), а также шести саммитов БРИКС (2009–2014 гг.) и свыше десятка саммитов ШОС (2001–2014 гг.) **упоминание США отсутствует** вовсе.

Говоря отдельно о РИК и БРИКС, следует отметить, что когда в 2000–2002 гг. на экспертных, а затем на официальных площадках формировались принципы взаимодействия в рамках этих форматов, был достигнут формальный консенсус относительно трех «не»: взаимодействие «не направлено против третьих стран», оно не является союзом, носит неконфронтационный характер. Все это нашло отражение в принимаемых в обоих форматах совместных документах.

Тем не менее, язык «дипломатии и иносказаний» легко угадывается в ряде тезисов, которые в этих документах следуют сразу за положениями о «ненаправленности». Практически в каждой из деклараций БРИКС или РИК стороны, не употребляя прямо слово «против», подчеркнута называют сферы и пункты повестки, где они выступают «за». Это — **многополярный мир, центральная роль ООН, демократизация международных отношений**. Кроме того, в БРИКС акцентируется стремление **реформировать мировую финансово-экономическую архитектуру**, покончив, таким образом, с односторонней монополией. За всем этим, понятно, угадываются объект и целевой посыл — США, и несогласие с их односторонней политикой.

Впрочем, в последние полтора года иногда появляются и прямые тезисы со знаком «против»: говорится об осуждении односторонних военных интервенций и экономических санкции (итоговый документ БРИКС-2014), указывается, что «любое военное вмешательство, не санкционированное Советом Безопасности, несовместимо с Уставом ООН и неприемлемо» (встреча заместителей глав МИД БРИКС 22 мая 2015 г.).

Примечательна и «протестная акция», связанная с подготовкой саммита «G-20» в Брисбене. Встретившись в марте 2014 г. в Гааге, главы МИД БРИКС заявили о «неприемлемости» попыток решать, «кто вправе участвовать в саммитах «двадцатки», а кто нет». Так был дан жесткий ответ инициаторам новой волны международной изоляции России, хотя «персонифицированный» объект осуждения прямо не указывался.

То же распространяется и на Шанхайскую организацию сотрудничества. В ШОС, с одной стороны, несмотря на «открытый статус» весьма ревностно относятся к самому понятию «внерегиональные игроки» (подразумевающему страны Запада и США), указывают на приверженность «построению мира, свободного от войн, насилия и давления» (документы саммита ШОС-2014); лидеры стран ШОС отмечают «тенденции к многополярности» (Декларация пятилетия ШОС, 2006 г.), подчеркивают, что «справедливый миропорядок должен базироваться на подлинно партнерских отношениях без претензий на монополию и доминирование в международных делах» (саммит ШОС-2005).

С другой стороны, в документах ШОС делают оговорку о **«ненаправленности против других государств и организаций»**, подчеркивают **«неблоковый характер организации»** (Ташкентская декларация глав государств ШОС, 2004 г.).

Такого рода двойственность, «закамуфлированность» в одних случаях (подходы РФ, КНР) указывает на элементы «конкуренции/противостояния» с США; в других (Индия, государства ЦА) говорит о так называемой диверсифицированной политике, тактике дипломатического маневра. Такую тактику, как показывают события, успешно реализует Индия, которая, не в последнюю очередь за счет участия в РИК и БРИКС, привлекла повышенный интерес США и умело наладила с ними предметный диалог в важных для себя сферах (ядерный статус и ядерная энергетика, ВТС). Правда, аналогичные попытки центрально-азиатских стран выглядят менее убедительно.

Какова эффективность данного «двуслойного» дипломатического подхода, который укладывается в концептуальные рамки «неконфронтационного, несилового давления» на США и Запад, принятые в упомянутых структурах?

С точки зрения реального ограничения действий США, которые по-прежнему превосходят остальные страны по уровню комплексной мощи, эта эффективность видится весьма лимитированной. США и поныне проявляют готовность «во имя своих национальных интересов в случае необходимости» действовать самостоятельно, невзирая на ограничения, которые предусматриваются нормами международного права.

На эти лимиты указывают и трудности, с которыми сталкиваются страны БРИКС в попытках реформировать мировую валютно-финансовую архитектуру. Принятые несколько лет назад решения о перераспределении в их пользу голосов в МВФ и Всемирном банке все еще не реализованы.

Значит ли это, что попытки воздействовать на США вообще бесперспективны? Скорее всего нет. Так, солидарная позиция РФ и КНР при резком обострении сирийского кризиса, сулившем неминуемый ливийский сценарий, несомненно сыграла свою роль в предотвращении прямого западного военного участия. Выше уже упоминалось и о поддержке, оказанной странами БРИКС России в противодействии попыткам Запада изолировать ее на площадке «G-20».

Иными словами, в ШОС, форматах БРИКС и РИК присутствуют цели, де-факто связанные с необходимостью реагировать на негативные, односторонние действия США. В документах данных структур США как государство, ответственное за такую политику, не называется, однако само содержание деклараций в пользу многополярности и коллективного миропорядка дает курсу США негативную оценку. Такой рычаг «мягкого воздействия» ограничен по возможностям и конечным результатам, но безусловно важен и востребован, ибо является обращенным к Америке сигналом, посылаемым странами, в которых проживает половина населения планеты.

Ограничителем для США (пусть пока умозрительным) служит и теоретическая возможность военно-политической интеграции в РИК и ШОС. Сложение потенциалов

их стран-участниц может обернуться для Вашингтона вызовом, соизмеримым с его собственными возможностями.

Хотя похоже, что вероятность заключения подробного альянса невысока. И не только потому, что Москва и Пекин не раз подчеркивали «достаточность» сегодняшнего уровня «отношений всеобъемлющего стратегического партнерства». Перспектива союза лимитирована, прежде всего, прагматичной, ориентированной на собственные интересы позицией КНР.

Близкие к руководству страны китайские эксперты называют существующий ныне партнерский статус отношений с РФ уровнем, который «даже лучше, чем союз». При этом, во-первых, указывается на реально имеющуюся высокую планку международной взаимоподдержки. Во-вторых, приводится довод, согласно которому «двусторонний союз с РФ» давал бы США и другим внешним конкурентам лишний аргумент для спекуляций на тему «китайской угрозы».

Очевидно, что Китаю важна «свобода рук», по типу той, которая отличает его гибкую и прагматичную позицию по украинскому кризису. Понятно, что в условиях формального союза такая «свобода» была бы для КНР существенно урезана.

Но еще существенней то, что формальный военно-политический союз с РФ означал бы резкую смену важного смыслового вектора сегодняшней политики Пекина, суть которого составляет прагматичное стратегическое маневрирование в треугольнике КНР — США — РФ. Нарушить этот сложившийся алгоритм (и сделать реальностью формальный блок КНР — РФ) может лишь резкое и критическое, но потому маловероятное обострение китайско-американских отношений.

Карнеев А.Н.:

Представляется целесообразным затронуть аспект китайско-американских отношений, связанный с рядом обстоятельств развития КНР в социальной области. На фоне быстрого усиления комплексной мощи Китая и существенного воздействия на общество КНР процессов интернационализации, глобализации и т.п. необходимо отметить такие тенденции, как формирование в качестве достаточно влиятельной силы в китайском истеблишменте слоя откровенно прозападной либеральной интеллигенции, феномен китайязычных зарубежных СМИ, а также тесные связи финансово-экономической элиты современного Китая с их партнерами в США, наличие большого количества китайских студентов на обучении в Америке (значительная часть которых после его завершения не собирается возвращаться на Родину), существование среди части кадровых политико-административных работников разных уровней стремления обустроить «запасные аэродромы» в виде возможности последующей жизни и деловой деятельности в США.

Вопрос связан также с коренной для китайской внутренней политики проблемой антикоррупционной борьбы. Следует отметить, что в КНР с приходом к власти пятого поколения руководителей в рамках антикоррупционной кампании ставится, в числе прочего, задача возвращения в страну беглых коррупционеров.

Эта тема связана с планировавшейся весной-летом этого года и получившей отклики в Интернете поездкой председателя Центральной комиссии по проверке дисциплины, члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ван Цишаня в США. Хотя официально никаких объявлений о планировавшейся поездке не было, многие зарубежные СМИ сообщали, что цель ее состояла в том, чтобы в ходе переговоров с американскими властями продвинуть международное сотрудничество в борьбе с коррупционерами. Считается, что усилия китайских властей по поиску и возвращению в страну (через процедуру экстрадиции) беглых чиновников позволили добиться в 2014 г. хороших результатов. Возвращены тысячи бывших должностных лиц, а также значительные финансовые активы. При этом именно во взаимоотношениях с правоохранителями западных стран, прежде всего США и Канады, существует больше всего проблем, так как власти этих стран часто отказывают китайской стороне в выдаче подозреваемых лиц,

ссылаясь на непрозрачность китайской системы расследования и отсутствие гарантий защиты прав подозреваемых.

После подписания во время саммита АТЭС осенью прошлого года в Пекине инициированных китайской стороной документов об углублении международного сотрудничества в преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступлений коррупционного характера, ситуация вроде бы начала улучшаться. Поездка Ван Цишаня в этом контексте могла бы способствовать существенному прогрессу в данной области, поскольку есть основания считать, что в США укрывается значительная часть сбежавших из КНР китайских чиновников и бизнесменов.

Однако спустя два с лишним месяца после начала муссирования в СМИ обстоятельств и деталей предстоявшей поездки Вана просочилась информация о том, что «визит отложен на неопределенное время». Действительно, на фоне очередного цикла усиления напряженности в китайско-американских отношениях такой визит выглядел маловероятным. Следует напомнить, что в последнее время в ведущих американских СМИ на фоне публикаций о китайско-американских противоречиях по Южно-Китайскому морю снова появились разоблачения непрозрачных связей между крупными бизнесменами и родственниками некоторых высших руководителей КНР, а генпрокуратура США и Комиссия по банковскому надзору Конгресса расследуют деятельность в КНР банковской корпорации «J.P.Morgan», широко практиковавшей найм на работу родственников высокопоставленных руководителей. Немалый резонанс, в частности, вызвали публикации о деятельности руководителя дяляньской корпорации «Ваньда» богатейшего китайского предпринимателя Ван Цзяньлиня: 28 апреля 2015 г. в китайской версии «Нью-Йорк таймс» была опубликована статья М. Форсайта «Владыка империи «Ваньда» Ван Цзяньлинь: искусство навигации между коммерцией и политикой», в которой подробно описывались связи членов семей Си Цзиньпина, Ху Цзиньтао, Вэнь Цзябао, Цзя Цинлиня и других с этим крайне удачливым предпринимателем-олигархом.

На протяжении последних месяцев китайская и зарубежная общественность обсуждала новый виток скандалов, продолжающий серию разоблачений высокопоставленных коррупционеров в разных сферах китайского истеблишмента, в том числе, вокруг мало известного до этого широкой публике 48-летнего предпринимателя Го Вэньгуя, связанного с целым рядом компаний, в том числе с корпорацией «Паньгу холдингс», владеющей одним из самых приметных небоскребов в столице КНР. Скандал начал разворачиваться, когда ряд китайских СМИ сообщили в конце марта с.г. о том, что предприниматель с неоднозначной репутацией Го Вэньгуй, находящийся в настоящее время в США «на лечении», является одним из ключевых сообщников арестованного в начале этого года главного коррупционера в системе госбезопасности — бывшего замминистра госбезопасности КНР Ма Цзяня.

Попутно выяснилось, что с Го Вэньгуем через своего сына коммерческими интересами был связан крупный финансист, бывший председатель Народного банка Китая Дай Сянлун. Среди тех китайских газет, которые наиболее подробно стали освещать подробности биографии этого бизнесмена, а также весьма мутную подоплеку коммерческого успеха Го Вэньгуя, активно проявило себя издание «Цайсинь медиа», известное пролиберальной ориентацией и разного рода расследованиями биржевых махинаций и чиновничьей коррупции. Когда в прессе появились сведения о возможной поездке Ван Цишаня в США, в числе главной цели в СМИ называли Лин Ваньчэна — младшего брата арестованного недавно бывшего руководителя Канцелярии ЦК КПК Лин Цихуа, но в числе этих фигурантов пресса называла также и Го Вэньгуя. Разоблачительные материалы в отношении Го Вэньгуя, широким потоком полившие со страниц «Цайсинь медиа», а также ряда других китайских изданий, воспринимались многими как «артиллерийская подготовка» к предстоящему визиту Ван Цишаня в Америку.

Само дело Го дает богатейший материал для журналистов и социологов по теме взаимоотношений власти и крупного бизнеса в современном Китае и, что особенно инте-

ресно, крупного бизнеса и спецслужб. Известно, что Го Вэньгую, тесно сотрудничавшему с органами госбезопасности (Ма Цзянь), а также с дисциплинарными органами КПК, удалось засадить за решетку почти всех своих конкурентов и бывших компаньонов, включая бывшего вице-мэра Пекина Лю Чжихуа.

Неожиданно для многих Го Вэньгуй, находящийся в США, предпринял в марте этого года ответный ход, опубликовав открытое письмо главному редактору «Цайсинь медиа» Ху Шули (жен.), в котором обвиняет ее в личных мотивах публикации разоблачительной информации, в тесных связях Ху коммерческими взаимоотношениями с рядом бывших компаньонов Го, с которыми позднее у него начались бизнес-конфликты и судебные тяжбы. Далее в письме содержатся сведения о ряде скандальных подробностей личной жизни Ху Шули, в том числе о ее якобы сожительстве с Ли Ю — одним из бывших партнеров Го, от которого она «имеет незаконорожденного ребенка» и т. д. В письме, а также в последующих интервью Го Вэньгуй намекает на то, что сделанные им разоблачения — «это лишь самое начало» и что у него в запасе есть еще немало сведений, касающихся неблагоприятных деяний как самой Ху Шули, так и ее связей с рядом влиятельных «закулисных покровителей». «Цайсинь медиа» уже заявило о намерении подать в суд за клевету.

В каком-то смысле ответная атака Го Вэньгуя была беспрецедентна в контексте продолжающейся в Китае «борьбы с тиграми-коррупционерами». Как образно отметил один комментатор, «если раньше только У Сун охотился на тигров, то теперь вдруг один из тигров огрызнулся и хватанул зубами У Суна». При этом подавляющее большинство комментаторов оценили обвинения Го Вэньгуя в адрес Ху Шули в плане обстоятельств ее личной жизни как «скорее всего недостоверные».

В принципе в КНР хорошо известно, что журналиста и предпринимателя Ху Шули, которую западные журналисты в свое время за напористый характер и способность работать «на грани дозволенного» прозвали «самой опасной женщиной Китая», связывают дружеские отношения со многими высокопоставленными функционерами, причем особо подчеркиваются ее давние связи с Ван Цишанем, оказывавшим ей помощь еще в годы, когда он возглавлял «Корпорацию финансирования сельских предприятий и крестьянских хозяйств». Теперь же многие гадают: не метил ли Го Вэньгуй, обвинивший Ху Шули в разного рода неблагоприятных деяниях, на самом деле выше — в ее «покровителя» Ван Цишаня, а может быть, и в главного «крестного отца» современной антикоррупционной кампании Си Цзиньпина? Кто же в таком случае стоит за Го Вэньгую с учетом того, что его вроде бы главный благодетель и покровитель Ма Цзянь уже арестован и томится под надзором органов партийного дознания? Есть ли такой покровитель и кто он, никто сказать наверняка не может.

Поездка в США Ван Цишаня, которая не была официально объявлена, откладывалась на протяжении нескольких месяцев и на данный момент есть сведения о ее фактической отмене. В качестве возможных причин того, что визит отложен «на неопределенное время» обозреватели называют целый ряд обстоятельств, которые в совокупности могут свидетельствовать о неблагоприятной атмосфере в текущих китайско-американских отношениях. В числе непосредственных факторов, называют резкие выпады ряда известных американских китаеведов в отношении «режима Си Цзиньпина» (например, Д. Шамбо в марте с.г. — о коллапсе власти КПК); новую серию публикаций о связях крупных предпринимателей с неоднозначной репутацией с высшими руководителями Китая и их родственниками; наконец, расследование властей США в отношении злоупотреблений при найме на работу банковской корпорацией «J.P. Morgan» родственников высокопоставленных руководителей КНР. При этом в издающейся на территории США китаезычной прессе сообщается, что в списке расследуемых лиц стоит даже фамилия Ван Цишаня.

Все приведенные выше факты и рассуждения позволяют сделать вывод о том, что в современной системе межгосударственных отношений КНР и США связаны не только факторами военного и дипломатического взаимодействия, экономикой и разнообразными событиями в культурной области, но и целым рядом обстоятельств, обу-

словленных проживанием на территории США огромного количества представителей китайской деловой элиты. Это, в свою очередь, позволяет констатировать определенную асимметрию: в то время как у американской стороны имеются в руках весьма значительные рычаги для воздействия на внутривнутриполитические процессы в КНР, у другой стороны, китайской, несмотря на немалые усилия по продвижению в США и другие страны Запада своей «мягкой силы», рычаги влияния весьма невелики или, по крайней мере, более ограничены.

Бергер Я.М.:

«Мягкая сила» служит важным фактором как внутренней, так и внешней политики Китая. Внутри страны она направлена на стабилизацию и укрепление единства общества, вовне — на усиление международных позиций китайского государства. Для выполнения внутренних и внешних задач используются разные компоненты «мягкой силы». Традиционная китайская культура в большей мере служит целям единения нации. Идеология в виде китаизированного марксизма и воззрений нескольких последних поколений китайских лидеров предназначена для легитимации господствующего строя и укрепления национальной идентичности. Одновременно подчеркивание специфичности и уникальности китайской культуры и цивилизации является основанием для утверждений об особом пути развития Китая и неприменимости к нему мерки общемировых закономерностей, а высокое в прошлом положение Китая в мировом хозяйстве и его большой вклад в развитие мировой цивилизации обосновывают права на перспективное мировое лидерство.

Гигантские успехи Китая в развитии и модернизации своей экономики за последние десятилетия придали большой вес его «мягкой силе» как внутри страны, так и за ее пределами. Однако обеспечившая эти успехи модель, в которой либеральная рыночная экономика сочетается с авторитарным политическим режимом, не находит в мире последователей. На этом основании Дэвид Шамбо вообще отказывает Китаю в наличии «мягкой силы»²⁸.

Китай прилагает значительные усилия, чтобы сделать свой образ более привлекательным, уменьшить в мире опасения по поводу быстрого возрастания его экономической и военной мощи. Важную роль в этом сыграло проведение Олимпийских игр в Пекине в 2008 г. и Всемирной выставки в Шанхае в 2010 г. Широко рекламируются программы помощи, оказываемой Китаем странам Африки и Латинской Америки. Но используемые в повседневной практике средства пропаганды все же недостаточно мобильны, недостаточно дифференцированы применительно к разнообразным представлениям и вкусам многоликой зарубежной аудитории, чтобы в прямом, лобовом столкновении противостоять более мощной идейной гегемонии США. Относительная слабость идеологических позиций Китая усугубляется глубоко укорененным догматизмом правящей элиты, дополнительно затрудняющим позитивное восприятие иностранцами исходящих от Пекина посылов.

В США идеологическая составляющая «мягкой силы» базируется на индоктринации т.н. «общечеловеческих ценностей»: свободы личности, свободы слова, свободы печати, верховенства закона, прав человека. Такие ценности консолидированы и укоренены в западной религии, философии, культуре. Это используется как для консолидации общества, так и во внешней политике, позволяя подчинять американским интересам объективные процессы экономической глобализации, интеграции и модернизации.

США воспринимают свои идейные и культурно-цивилизационные козыри как орудие для дальнейшего наступления на Пекин. Преимущественными темами американской пропаганды на Китай остаются т.н. «общечеловеческие ценности» и прочий стандартный набор Вашингтонского консенсуса. Пекину же приходится вести круговую оборону, парируя атаки внешних сил и «пятой колонны», чтобы не допустить «цветной революции» и того развала господствующего режима, какой произошел в Советском Союзе и других странах бывшего социалистического лагеря.

Защита затрудняется наличием и обострением в Китае многих «болевых точек», т.е. социальных проблем, подтачивающих изнутри единение общества, таких, как широко распространенная коррупция, социальное расслоение, загрязнение окружающей среды, национальные и религиозные конфликты. Предпринимая немалые усилия для разрешения этих проблем, Пекин одновременно делает упор на патриотическое воспитание, призванное мобилизовать общество на реализацию «китайской мечты», нацеленной на построение богатого, сильного и демократического Китая.

Идейное и культурное противостояние, сегодня приходится вести в существенно усложнившихся технологических условиях. Главным полем борьбы за симпатии и доверие собственных сограждан становится Интернет. «Кто контролирует это средство, — утверждает «Цзефанцзюнь бао», главная армейская газета КНР, — тот выиграет войну». Газета настаивает на необходимости мер по кибербезопасности, которые призваны обеспечить «идеологическую безопасность в сетях». «Западные враждебные силы вместе с горсткой китайских идеологических предателей, — говорится в передовице этого издания от 29 мая 2015 г., — безумно атакуют Коммунистическую партию Китая и порочат наших основоположников и героев с помощью Интернета. Их главная цель — привести нас в замешательство посредством «универсальных ценностей», смутить посредством «конституционной демократии» и, наконец, свергнуть власть путем «цветной революции».

Вместе с тем, у Пекина есть свои рычаги влияния на Запад. Китайская диаспора в США, насчитывающая около 4 млн человек, оказывает на китайскую «мягкую силу» неоднозначное воздействие. С одной стороны, многие китайские иммигранты, занимая influentialные позиции в американском бизнесе и политической жизни США, часто лоббируют интересы Пекина, способствуют укреплению американо-китайского сотрудничества, помогают распространению китайской культуры. Большую роль в этом отношении играет созданный в 1989 г. «Комитет 100». Эта организация, куда входят коммерсанты, ученые, деятели литературы и искусства китайского происхождения, делает немало также для сближения континентального Китая с Тайванем. С другой стороны, часть китайских интеллектуалов, вынужденных покинуть Китай после подавления студенческих волнений в конце 80-х годов прошлого века, настроены оппозиционно по отношению к Пекину и нередко примыкают к тем кругам на Западе, которые выступают за политику сдерживания Китая, мотивируя эту необходимость возрастанием китайской угрозы.

Наличие огромного китайского рынка, потребляющего очень большую часть продуктов западной культуры и приносящего огромные прибыли западному шоу-бизнесу, позволяет Пекину оказывать определенное влияние на западную, прежде всего, американскую издательскую и киноиндустрию. Американским продюсерам приходится тщательно взвешивать, чем они могут привлечь китайскую аудиторию, как не вызвать неодобрения китайских цензоров и не оскорбить чувства китайских зрителей.

Одним из важных компонентов наращивания «мягкой силы» Китая служит программа создания Институтов Конфуция, начатая в 2004 г. Эта программа призвана способствовать распространению китайского языка и китайской культуры во всем мире и развитию культурных обменов. Спонсируемые китайским правительством Институты Конфуция вначале беспрепятственно открывались при учебных заведениях разных стран. Но вскоре в США и в Канаде они стали навлекать упреки в политической индоктринированности, ущемлении академических свобод и даже участии в промышленном шпионаже.

Оценка мировой общественностью достоинств и недостатков США и Китая зависит не только и не столько от стараний Вашингтона и Пекина создать свой позитивный образ, сколько от их «жесткой силы», а также иных составных частей «мягкой силы», включая конкретную внешнюю политику в разных регионах земного шара.

По данным опросов, проведенных исследовательским центром «Пью» в 2013 г., в целом в мире позитивно относятся к США 63% респондентов, тогда как к Китаю — 50%. США чаще, чем Китай, воспринимают как партнера. Лишь абсолютное меньшинство

во склонно считать США и Китай своими противниками, но большинство полагает, что обе державы при проведении своей политики не слишком заботятся об интересах партнеров. Ряд соседей Китая, включая Японию, Южную Корею, Австралию и Филиппины, с настороженностью воспринимают растущую военную мощь КНР, но в абсолютном большинстве не одобряют также использование Вашингтоном беспилотников для атак на группировки экстремистов.

Европейские страны в целом больше симпатизируют США, чем Китаю. Единственным исключением является Греция, где преобладают симпатии к Китаю. Наиболее негативно относятся к США в мусульманских странах, особенно в Пакистане, Иордании, Египте, на территориях с палестинским населением, в Турции. Но в Сенегале, Индонезии и Малайзии отношение к США более позитивное.

Из стран АТР США пользуются наибольшим расположением в Южной Корее, Японии и на Филиппинах. Китай хуже всего воспринимают в Японии, что объясняется обострением территориальных споров. В Австралии большинство респондентов испытывают обеспокоенность растущей мощью НОАК, но вместе с тем благоволят своему крупнейшему партнеру по торговле. Общее позитивное отношение к Китаю разделяют и такие преимущественно мусульманские страны Азии, как Индонезия, Малайзия и Пакистан. Они к тому же приветствуют рост китайской военной мощи.

Антипатии к Западу, навязывающему развивающимся странам свои ценности и свою модель политического устройства, облегчили доступ на их рынки китайскому капиталу. За последние годы Китай существенно увеличил инвестиции в Латинской Америке и в странах Африки южнее Сахары, что существенно повысило его престиж в этих регионах. Росту китайского влияния способствует также помощь, оказываемая Пекином в развитии инфраструктуры, экономики, здравоохранения, образования. Но одновременно укрепляются и позиции США, которые лидируют в странах Латинской Америки и Африки по удельному весу положительных оценок таких компонентов «мягкой силы», как успехи в развитии науки и техники, музыка, кино и телевидение, методы ведения бизнеса, представления о демократии, распространение идей и обычаев.

Более благоприятно для Китая складывается использование «мягкой силы» в высшем образовании. Стремление молодых китайцев получать высшее образование в США и Европе в растущей мере уравнивается привлечением зарубежной молодежи, прежде всего из стран Азии и Африки к обучению в китайских вузах. Больше всего в них студентов из Южной Кореи и Японии, стран, с которыми у Китая наиболее велик объем двусторонних экономических связей.

Быстро растет приток студентов из стран Юго-Восточной Азии. В этом регионе большой популярностью пользуются китайские фильмы, поп-музыка, телевидение, хотя часто произведены они не в континентальном Китае, а в Сянгане или даже на Тайване.

По данным Министерства образования КНР, три четверти обучающихся в Китае иностранцев избирают предметом своих занятий гуманитарные дисциплины: китайский язык, искусство, историю, философию, а также китайскую медицину. Многие бывшие студенты китайских вузов, вернувшись на родину, предпочитают дипломатическую карьеру или преподают в отечественных университетах, укрепляя тем самым связи с Китаем в следующих поколениях.

Предоставление Китаем образовательных услуг иностранцам привлекает и молодежь Запада. Пекин тратит на обучение иностранцев большие средства. Но США и ряд стран Европы и Азии также спонсируют получение своими гражданами высшего образования в Китае, нередко в сотрудничестве с Пекином, получая в итоге специалистов, хорошо знакомых с особенностями страны. Предполагается, что численность иностранных студентов в Китае к 2020 г. составит около 500 тыс. человек. В 2010 г. администрация Б. Обамы объявила о программе обучения в Китае 100 тыс. молодых американцев в течение предстоящих четырех лет.

Пекин активно привлекает представителей западной интеллектуальной элиты к созданию позитивного образа Китая как успешно развивающейся и миролюбивой страны, вносящей неоценимый вклад в прогресс всего человечества. Некоторые из них на примере Китая доказывают, что между экономическими достижениями и политическими свободами нет прямой зависимости, и такой подход находит поддержку в ряде государств, включая постсоветские республики Центральной Азии, некоторые страны Ближнего Востока, Латинской Америки, Африки.

Известный американский политолог Дж. Най, первым употребивший понятие «мягкой силы», считает, что в Китае, как и в России, его понимают неправильно. С его точки зрения, источником «мягкой силы» в большой мере должно быть не столько государство, сколько частные лица и гражданское общество. Китай же и Россия главным орудием «мягкой силы» считают правительство, но правительственная пропаганда очень редко пользуется доверием.

Кроме того, тот же Най выдвинул идею «умной силы» (*smart power*), представляющей рациональное сочетание «жесткой» и «мягкой» силы. И с этой точки зрения, у Китая, как и у России, имеются еще большие неиспользуемые резервы.

Исаев А.С.:

Небезынтересно рассмотреть вопрос о том, как действуют факторы «мягкой силы» в китайско-американских отношениях, понимая под ними совокупность социо-культурных, идеологических и гуманитарных средств, применяемых для продвижения собственных внешнеполитических интересов в глобальном и двустороннем измерениях.

С появлением Интернета и совершенствованием цифровых технологий значимость этих средств усилилась, а сама «мягкая сила», направленная на то, чтобы убеждать, а не принуждать, получила новые возможности. Сегодня культурологические факторы нередко могут действовать гораздо эффективней навязывания собственных взглядов или политики путем «жесткой силы».

В китайско-американских связях, особенно в контексте формирования «отношений нового типа», манипулирование различными средствами гуманитарного воздействия в двухсторонних отношениях, выработка и применение новых моделей «мягкой силы» приобретают особое значение.

Сегодня Китай выстраивает новую модель использования «мягкой силы», которая опирается не только на Институты Конфуция. При этом показательно, что Пекин не пытается сформулировать собственную, оригинальную систему «с китайской спецификой», а использует уже доказавшие свою эффективность инструменты, к примеру, такую сферу, как кинематограф.

В современном мире с развитием новых технологий и сетевых ресурсов кинематограф быстро приобрел новые функции влияния. Из самого массового искусства кино превратилось, с одной стороны, в ставшее сегодня привычным средство мультимедийного общения, а, с другой, — заняло важное место среди инструментов реализации «мягкой силы» в глобальном масштабе. Этим инструментом первыми стали активно пользоваться американцы. Теперь это делает и Китай, ставший вторым в мире кинематографической державой.

По мере экономического роста и появления больших возможностей для развития кинематографа Китай достаточно быстро уяснил новые функции современного кино. В этой связи представляется, что решение о создании в 2012 г. китайской инвестиционной компании с внушительным фондом для финансирования совместных с США кинопроектов с ярко выраженным китайским «наполнением» было не просто коммерческим.

Китай получил возможность не только размещать рекламу своих товаров в известных лентах, идущих в мировом прокате. Он выработал собственную формулу условий финансирования американских кинолент. Согласно ей в фильмы с участием китайского капитала должны привлекаться китайские актеры, отдельные или многие эпизоды долж-

ны сниматься на территории Китая и служить положительным фоном событий на киноэкране и, наконец, в фильмах недопустима критика Китая.

С течением времени, благодаря китайским инвестициям, совместные китайско-зарубежные ленты стали в определенной мере отражением позитивных политических намерений стран-партнеров. Американский кинематограф свел до минимума показ китайцев в своих лентах в виде отрицательных персонажей или врагов американского народа.

Более того, все чаще стали демонстрироваться положительные результаты, которых можно достичь, если американские и китайские киногерои а, следовательно, Америка и Китай в целом — объединят свои усилия к обоюдной выгоде.

Такова, например, американская лента «Кибер» (2014), главные роли в которой исполняют австралиец Крис Хемсворт и китайка Тан Вэй. Лента посвящена сотрудничеству специалистов США и КНР в устранении киберугроз двум странам. Показательно, что фильм был снят в разгар взаимных обвинений американских и китайских политиков в ведении кибервойны друг против друга.

Еще одна сфера «гуманитарного взаимодействия», работающая на отношения «нового типа» между США и КНР, это сфера образования. По данным за 2014 г., в США обучалось более 240 тыс. студентов из Китая, т.е. свыше 31% всех иностранных студентов, зачисленных в университеты и колледжи США. Китай — лидер по количеству обучающихся в Америке, за ним следуют Корея, Саудовская Аравия, Индия, Вьетнам. В свою очередь, Китай стал пятой по привлекательности страной для желающих получить образование за рубежом американцев, хотя их количество в абсолютных числах незначительное — порядка 15 000.

К этому следует добавить еще два элемента. Во-первых, Америка лидирует по количеству детей китайских руководителей центрального и провинциального уровней, получающих образование в США. Во-вторых, в начале 2000-х гг. была запущена образовательная программа для китайских управленцев среднего звена, основным учебным курсом для которых стал американский менеджмент.

Безусловно, определенную опасность в Китае видят в том, что с американскими образовательными программами для иностранцев, а также с зарубежной молодежью, обучающейся в университетах США, очень плотно работает американский Национальный фонд развития демократии, который причастен к использованию протестных движений в различных странах мира для смены их режимов и продвижению на руководящие посты лояльных США политических деятелей.

В Пекине, похоже, учитывают это обстоятельство, тщательно отслеживают работу фонда на азиатском направлении и реагируют соответствующим образом.

Во время массовых выступлений гонконгских студентов осенью 2014 г., получивших название «революции зонтиков», китайские информационные службы, не вмешиваясь в происходящее, очень быстро разместили публикации, доказывающие связь организаторов выступлений в Гонконге с Национальным фондом развития демократии США. Были названы конкретные фамилии, приведены факты и суммы, затраченные фондом на работу с гонконгской профессурой и молодыми специалистами.

Это обстоятельство не может не оказывать влияния на китайско-американские связи. Именно в связи с событиями в Гонконге в 2014 г. МИД КНР в довольно резкой форме потребовал от США не вмешиваться в происходящее. Иными словами, Китай учитывает уязвимые места в связи с применением «мягкой силы» и вырабатывает соответствующие контрмеры.

Одной из таких форм реагирования стало создание по аналогии с испанским Институтом Сервантеса и немецким Институтом Гете Институтов Конфуция. Их цель — распространение китайского языка, китайской культуры и образа жизни за рубежом. В нынешнем году планируется довести их общее число до 500 в более чем 100 странах мира, а к 2020 г. — до 1000 учреждений.

В США деятельность этих организаций на официальном уровне воспринимается критически. Власти используют любые возможности для того, чтобы ограничить их работу в американских университетских городках. Так, например, три года назад китайским профессорам было предложено покинуть страну за нарушение визового режима и несанкционированную преподавательскую деятельность.

Говоря о совершенствовании Китаем своей модели «мягкой силы», следует упомянуть такие сферы, как культурные и литературные обмены, стимулирование интереса к современному авангардному искусству, продвижение историко-культурных объектов Китая на уровень мирового материального наследия, и, безусловно, информационную политику.

Наиболее уязвимой для Китая остается информационная сфера в ее главной области — Интернет-пространстве. Несмотря на создание в ЦК КПК Комиссии по интернет-безопасности, которую возглавил Си Цзиньпин, конкретных результатов пока не видно.

Проблема на этом направлении заключается в том, что до сих пор не существует международно-правовых документов, регулирующих информационную сферу в мировой «паутине». И пока Китай реагирует на возникающие в интернет-пространстве информационные угрозы исключительно запретительными или контрпропагандистскими мерами. Однако такая реакция создает повод для дополнительных обвинений КНР в нарушении «свободы слова», «принципов демократии», в зажимании «альтернативных мнений» и т.п.

Неразработанность правовой сферы информационной деятельности в Интернете, отсутствие международных договоренностей об обеспечении информационной безопасности беспокоят не только Китай. Это — новая сфера международного общения, и миру пока предлагают американские правила поведения в ней. Поэтому Китай заинтересован в формировании универсально признаваемого мировым сообществом нового порядка работы в информационном пространстве «всемирной паутины».

В этом контексте привлекает внимание подписанное в мае 2015 г. российско-китайское соглашение о сотрудничестве двух стран в области информационной безопасности. Пока этот документ носит общий характер и предусматривает традиционные для рамочных соглашений положения. Но очевидно, что по мере взаимодействия он может приобрести конкретное наполнение и стать одним из немногих международно-правовых документов по этой новой проблематике.

Тема информационной безопасности стала одним из главных вопросов, обсуждавшихся в ходе седьмого раунда китайско-американского стратегического и экономического диалога в Вашингтоне. И это вполне вписывается в логику американо-китайских отношений «нового типа».

Летом 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин и президент США Б. Обама уже обсуждали тему кибернетической безопасности. В этом году у них еще будут поводы вернуться к данной проблеме.

Кашин В.Б.:

В 2004 г. Китай в первый и пока единственный раз дал общую количественную оценку своему ядерному арсеналу. Согласно опубликованному в апреле 2004 г. заявлению МИД КНР, на тот момент страна обладала наименьшим количеством ядерных боеголовок из всех официальных ядерных держав. Это означало, что Китай имел меньше развернутых боеголовок, чем Великобритания. Таким образом, их количество должно было составлять менее 200.

Такое количество боеголовок вполне соответствовало декларировавшейся Китаем концепции минимального ядерного сдерживания. В рамках данного подхода он воздерживался от любого соревнования с другими ядерными державами в отношении размеров ядерных арсеналов и лишь стремился обеспечить гарантированную возможность нанесения ответного ядерного удара.

В то же время Китай является единственной из пяти признанных ядерных держав, которая увеличивает общее количество боеголовок. Это увеличение, по преобладающим западным оценкам, пока не носит принципиального характера. Например, шведский институт SIPRI оценивает количество развернутых китайских боеголовок в 250. Тем не менее, качественный состав китайских ядерных сил переживает революционные изменения, которые, по всей видимости, приведут и к ускорению их количественного роста. Эти изменения связаны с завершением в последние годы целого ряда важных, долгосрочных и весьма дорогостоящих программ научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Ключевое изменение связано с появлением у Китая первого в его истории функционирующего морского компонента стратегических ядерных сил. Успешно осуществляется строительство серии из пяти атомных подводных лодок проекта 094, из которых не менее трех уже переданы флоту.

При этом в 2012 г. Китай наконец добился успеха в затянувшемся процессе доводки и испытаний баллистической ракеты для подводных лодок JL-2 («Цзюйлан-2»). По оценкам Министерства обороны США, первое боевое патрулирование китайской атомной ракетной подводной лодки может произойти в текущем году.

Ранее Китай располагал лишь одной атомной ракетной подводной лодкой проекта 092, известной под условным НАТОвским наименованием «Ся», которая, согласно известным публикациям Министерства обороны США, никогда не выходила на боевое патрулирование и являлась, по сути, экспериментальным кораблем.

Теперь вместо одной экспериментальной атомной подводной лодки с 12 баллистическими ракетами Китай получит пять атомных ракетных подводных лодок, способных в общей сложности нести 60 межконтинентальных баллистических ракет.

А в перспективе можно ожидать наращивания китайского атомного ракетного подводного флота. На данный момент, как минимум, известно о подготовке следующего, усовершенствованного проекта лодок 096, способных нести по 24 ракеты.

Важно учитывать, что речь идет о многолетнем, реализуемом с начала 1990-х гг. крупном национальном проекте, потенциально сравнимом по масштабу инвестиций с крупнейшими китайскими стройками эпохи реформ. Каждая атомная ракетная подводная лодка, судя по мировому опыту, может стоить в пределах 2–4 млрд долл. США.

Китай также создал с нуля мощную инфраструктуру для их базирования (база Юйлинь на о. Хайнань) и провел значительную работу по повышению потенциала ракетной промышленности для налаживания стабильного и ритмичного выпуска ракет «Цзюйлан-2».

Это не единственное известное крупное изменение. В 2014 г. Китай впервые развернул баллистические межконтинентальные ракеты с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). Подобные боеголовки установлены на тяжелых жидкостных межконтинентальных баллистических ракетах DF-5B.

Также продолжается работа над новой тяжелой твердотопливной ракетной DF-41, которая постепенно приближается к началу серийного производства. Совершенствуется выпускаемая в настоящее время мобильная твердотопливная ракета DF-31, которой предполагается придать способность нести РГЧ ИН с тремя боевыми блоками.

Начат выпуск новой баллистической ракеты средней дальности (DF-26) с дальностью 3000 км и продолжается совершенствование существующего семейства баллистических ракет DF-21.

Появление новых для Китая типов носителей ядерного оружия в сочетании с оснащением существующих систем РГЧ ИН неизбежно означает как существенный рост числа носителей, так и весьма резкий рост числа развернутых боеголовок в текущем и следующем десятилетиях. В противном случае уже сделанные гигантские инвестиции не имеют смысла.

Вероятными причинами китайских вложений в развитие ядерного потенциала являются американские программы развития стратегической ПРО, а также планы созда-

ния систем быстрого глобального удара и общее наращивание военных сил США вблизи китайских границ в Азии. Фактически в результате действий США в военной сфере сохранение Китаем его прежней доктрины минимального ядерного сдерживания становится бесперспективным. Китай не может быть уверен в том, что та часть его небольшого ядерного потенциала, которая переживет первый ядерный удар противника, будет в состоянии преодолеть противоракетную оборону США и их союзников.

Можно предположить, что реализация существующих программ разработки и производства ядерного оружия неизбежно приведет к тому, что Китай уйдет от доктрины «минимального ядерного сдерживания». Китай не только перестанет быть «самой маленькой» официальной ядерной державой, он выйдет из одной «лиги» с Великобританией и Францией, хотя будет по-прежнему отставать по численности ядерного арсенала от США и России. В последующем нельзя исключать движения КНР к достижению ядерного паритета с этими ядерными сверхдержавами.

Количественный и качественный рост ядерного потенциала КНР способны в корне изменить стратегическую ситуацию в Азии, поскольку приведут к неизбежным корректировкам в военном планировании США и их союзников. Цена любого потенциально возможного военного столкновения с КНР возрастет неизмеримо, подходы к сдерживанию Китая должны будут быть полностью пересмотрены.

В целом значительный (в полтора-два раза) рост китайского ядерного арсенала представляется неизбежным и обусловленным объективной необходимостью, прежде всего развитием ПРО США. Но нельзя исключать в последующем и попыток достигнуть паритета с целью получения стратегических преимуществ.

Китай, по всей видимости, не будет заинтересован в участии в диалоге ядерных сверхдержав по вопросам ядерного сдерживания, по крайней мере, до момента реализации «задачи-минимум», связанной со строительством стратегических ядерных сил, сохраняющих эффективность в условиях существования американской стратегической ПРО. Существующая позиция китайской дипломатии, согласно которой Китай является слабой ядерной державой и будет дожидаться снижения Россией и США их потенциалов до сравнимого уровня, вполне комфортна для КНР. Китай имеет возможность избегать раскрытия информации о своем потенциале и не допускать давления на себя по ядерной тематике. Вероятно, она сохранится и в обозримом будущем.

Дубинин Ю.А.:

За последние четверть века российско-американские отношения прошли различные этапы. Но никогда не были простыми, поскольку каждая из сторон ожидала от них несколько иного, чем предполагала и делала другая. Так, в 90-е гг. XX столетия вместо реализации надежд российских реформаторов на осуществление США и «коллективным Западом» «плана Маршалла» для России, Соединенными Штатами была провозглашена стратегия «вовлечения и расширения», предполагавшая заполнение политического и стратегического вакуума, возникшего в Центральной и Восточной Европе после распада Организации Варшавского Договора и Советского Союза. США стремились активно продвигать тезис о том, что американские ценности, заключающиеся в свободе, демократии и власти закона, являются универсальными для всего мира, в связи с чем они имеют полное право применить жесткую военную силу, включая нанесение превентивных ударов, что и было реализовано структурами НАТО в Югославии под лозунгами гуманитарной интервенции и несмотря на российские протесты. Проще говоря, России давали понять, что США могут перекраивать мировой порядок под собственные представления о целесообразности, свободе и демократии.

Разногласия нарастали и в дальнейшем. В XXI в. мы стали свидетелями таких американских военно-политических шагов, как выход из Договора по противоракетной обороне и попыток создания третьего позиционного района ПРО в Чехии и Польше, что коренным образом подрывало всю систему стратегической стабильности, как она пони-

малась в отношениях между США и СССР/Россией. Продолжалось расширение НАТО, в состав которого вошли бывшие советские республики Прибалтики, делались также попытки включить Украину и Грузию в План действий по членству в НАТО. В обход Совета Безопасности ООН была сколочена коалиция под эгидой США для вторжения в Ирак, а санкционированная Совбезом операция по установлению бесполетной зоны в Ливии далеко вышла за рамки согласованного мандата и закончилась свержением режима М. Каддафи и его варварским убийством. Все эти шаги и действия вызывали серьезную критику в России и осложняли российско-американские отношения.

И даже в те периоды, когда отношения между Россией и США развивались в позитивном ключе, как бы по восходящей, и позволяли находить развязки в непростых вопросах и снимать некоторые озабоченности сторон, российская сторона неизменно ощущала стремление США вести игру по своему сценарию.

Особенно осложнились отношения между двумя странами после президентских выборов 2012 г. в России (вице-президент США Дж. Байден заявлял, что В.В. Путину не следовало идти на президентские выборы). Разногласия и расхождения по все более широкому кругу двусторонних и международных проблем нарастали в такой степени, что временами казалось, что у России и США вовсе исчезли точки соприкосновения в достаточно широкой ранее повестке дня. Принятие Конгрессом США «Закона Магницкого», неоправданно жесткая реакция американской администрации на предоставление Россией убежища Э. Сноудену, приведшее к отмене официального визита Б. Обамы в Россию в 2013 г., отказ американского президента, а вслед за ним и многих других лидеров стран НАТО участвовать в церемонии открытия зимних Олимпийских игр в Сочи — все это резко диссонировало с понятием нормальных партнерских межгосударственных отношений.

Поддержка Россией референдума в Крыму еще более обострила российско-американские отношения. Выступая в сентябре 2014 г. в ООН, Б. Обама назвал российские действия в числе трех главных угроз международной безопасности и призвал все государства мира выступить с их осуждением. Соединенные Штаты инициировали многочисленные ограничения и рестриктивные действия в отношении России, добиваясь неукоснительного их применения своими союзниками.

Еще в феврале 1997 г. Джордж Кеннан, известный американский дипломат и ученый, один из провозвестников политики сдерживания, предсказывал, что политика расширения НАТО до российских границ может породить «националистические, антизападные и милитаристские тенденции в российском общественном мнении, оказать негативное воздействие на развитие российской демократии и повести политику России в таком направлении, которое нам решительно не понравится». Его пророчества оказались вполне реалистичными. В российских политических и экономических кругах постепенно формировалось мнение о том, что в складывающейся ситуации у России нет позитивного будущего в экономических и политических отношениях с Западом, поскольку политические шаги наших западных партнеров (США и ЕС) все более воспринимались как направленные на подрыв международных позиций России, а также, возможно, и на изменение ее внутривнутриполитической системы.

В этих условиях неизбежным становился поиск альтернативных внешнеполитических партнеров, отвечающих следующим критериям:

- незаинтересованность в распространении своих идеологических и внутривнутриполитических систем вовне;
- неприятие монополярной системы международных отношений и стремление к утверждению в мире системы многополярной;
- готовность к прагматическому взаимодействию и сотрудничеству.

Нельзя сказать, что российская внешняя политика и прежде не работала над развитием и расширением сферы сотрудничества с государствами, отвечающими этим критериям. Создание в середине 1990-х гг. «Шанхайской пятерки», а затем — в

2001 г. — Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), возникновение и деятельность группы РИК (Россия — Индия — Китай), учреждение БРИК, а затем и БРИКС — все это шаги России по построению мультиполярной системы международных отношений, основанной на суверенном равенстве всех ее участников, невмешательстве во внутренние дела друг друга, уважении избранного каждым участником пути и модели развития. Как отмечал еще в 2007 г., выступая на Мюнхенской конференции по безопасности Президент Российской Федерации В.В. Путин, «экономический потенциал новых центров мирового роста будет неизбежно конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность».

Выход Китая на передовые позиции в глобальной экономике и международной торговле неизбежно ведет к росту вовлеченности КНР в решение важнейших международных проблем. В дополнение к высокому статусу КНР как великой державы и постоянного члена Совета Безопасности ООН Пекин в последние десятилетия выдвигал целый ряд крупных внешнеполитических инициатив в сферах экономики и торговли, региональной и глобальной безопасности. Среди них необходимо упомянуть шестисторонние переговоры по ядерной безопасности на Корейском полуострове, конструктивное участие в решении проблем ядерной программы Ирана, китайско-российский проект договора о предотвращении милитаризации космического пространства, китайско-российско-брунейские предложения по формированию архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, проект создания зоны свободной торговли в АТЭС, учреждение Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и, наконец, выдвижение Председателем КНР Си Цзиньпином концепции «Один пояс—один путь».

Укрепление мощи Китая и его самостоятельная позиция в международных делах вызывают негативный отклик в США. Противостоять этим тенденциям были призваны американские программы «перебалансировки» сил США в Азиатско-Тихоокеанский регион, предполагающие существенное наращивание там военной мощи Соединенных Штатов. Вашингтон тем самым стремится обеспечить себе возможность действовать в АТР с позиции силы и настаивать на следовании Пекином приемлемой для США линии поведения в самых различных сферах, начиная с обеспечения безопасности морских торговых путей и кончая соблюдением прав человека. В дополнение к программе «перебалансировки» США также продвигают в регионе проект Транстихоокеанского партнерства, направленный на создание торгово-экономического блока без участия КНР. Таким образом Обама стремится исключить Москву и Пекин из переговоров о свободной торговле в Европе и Азии, а это только усиливает их сомнения в желании США работать совместно с ними в основанной на американских правилах торговой среде.

Немалую озабоченность Китая и России вызывает политика США по поддержке «цветных революций» в разных регионах мира. Цветные революции рассматриваются в Москве и Пекине как составная часть «гибридных войн», их целью являются политические изменения в странах, в которых они проводятся. В ряде случаев в «цветных революциях» весьма заметную роль играют внешние силы, что проявляется в открытом и публичном задействовании концепции «мягкой силы». Кроме того, внешние игроки присваивают и активно используют статус верховного арбитра, определяющего легитимность режима, подвергающегося воздействию.

Характерно, что государственные деятели КНР и России солидарны в своей оценке «цветных революций». «Внешние силы используют социально-экономические противоречия и проблемы... для свержения власти и пытаются спровоцировать новые волны цветных революций», — сказал министр общественной безопасности Китая Го Шэнкунь. «Феномен цветных революций продолжает развиваться и приобретает глобальный характер. Попытки организации «революции зонтиков» в Гонконге, расшатывания обстановки в Венесуэле являются звеньями одной цепи», — говорил министр обороны России С.К. Шойгу.

Китай воспринял цветные революции (Таиланд, Венесуэла, Босния, Египет, Тунис, Турция, Украина) как вызов: они привлекли его внимание и вызвали определенную озабоченность. Его позиция такова: государства должны сами, без всякого внешнего давления выбирать модели политических и экономических реформ и проводить их в жизнь. Как считают в Китае, различие между китайским и американским подходами — это вопрос не только понимания, но и ценностей: если для Китая важнее всего стабильность, то для Америки важнейшей политической целью является демократизация. Китай исходит из того, что стабильность является предварительным условием развития демократии, а Соединенные Штаты верят, что демократия делает возможной стабильность. Китай полагает, что лучше стабильность в условиях пусть и несовершенного режима, чем хаос при наилучшем режиме правления, а Соединенные Штаты считают, что в стабильности при централизованной власти нет ничего хорошего, а потому демократическое правление является для них высшим приоритетом.

Характерно, что по итогам визита В.В. Путина в Пекин 20–21 мая 2014 г. в совместную российско-китайскую декларацию впервые был включен пункт о том, что стороны будут противодействовать вмешательству во внутренние дела, проведению революций и поддержке внутренних переворотов извне.

Политика открытости Китая и разворот России на Восток тесно сплетаются между собой, у них множество точек соприкосновения, и это создает историческую возможность для дальнейшего развития российско-китайских отношений. Пекин верит, что реализация его проекта Экономического пояса Шелкового пути и взаимодействие с созданным по инициативе России Евразийским экономическим союзом позволят проложить этот путь по всему Евразийскому континенту, а развитие Дальневосточного региона России создаст фундамент для построения отношений всестороннего стратегического партнерства с Москвой.

Как говорил недавно в интервью «Независимой газете» посол Китайской Народной Республики в Российской Федерации Ли Хуэй, «развитие и национальное возрождение, защита регионального мира и стабильности — это совместная цель сторон... Независимо от перемен на международной арене надеемся на то, что Китай и Россия будут оказывать друг другу помощь и поддержку... В мире по-прежнему существуют гегемонизм и политика с позиции силы, сохраняются серьезные вызовы в сферах традиционной и нетрадиционной безопасности. Китай и Россия как постоянные члены Совета Безопасности ООН, поддерживая тесные контакты и эффективно координируя свои действия, вносят существенный вклад в дело защиты мира».

Румянцев Е.Н.:

Хочу сделать несколько замечаний по поставленным на обсуждение вопросам.

Сначала об общем фоне, на котором происходят соответствующие процессы в китайско-американских и китайско-российских отношениях. Он характеризуется, прежде всего, осложнением ситуации в китайской экономике, что, в частности, находит выражение в снижении темпов роста и, как следствие, обострении проблемы занятости. Именно в этом и состоит «новая нормальная ситуация». Сложным является и внутривнутриполитическое положение в КНР, не снижается острота многих социальных, экологических и других проблем.

О внешней политике Китая. Если девизом правления предыдущего китайского лидера Ху Цзиньтао была гармония в китайском обществе и во всем мире, то, как известно, девизом руководства при Си Цзиньпине стало «великое возрождение китайской нации». Легко заметить, что если призыв к «гармонии» имеет консервативно-оборонительный характер, то в доктрине «великого возрождения» при всей ее намеренной неопределенности, создающей возможности для различных толкований, нетрудно увидеть элементы наступательности или, как принято сейчас выражаться, «напористости».

Все это находит отражение и в политике КНР в отношении США. С одной стороны, в ней тоже наблюдается рост «напористости», например, в таких вопросах, как внешняя торговля, валютно-финансовые отношения, кибербезопасность, права человека и др.

Предъявляются и претензии более общего характера. Например, вот что пишет один из китайских военных аналитиков: «После «бури 4 июня» (так в КНР сейчас называют кровавые события 1989 г. в Пекине) американцы действовали не в соответствии со стратегическим взаимопониманием, зафиксированным в ходе визита Никсона в Китай в 1972 г. в «Шанхайском коммюнике», не дали нам стратегических дивидендов за совместное сдерживание Советского Союза, а напротив, использовали тайваньскую проблему для того, чтобы сковывать нас.

В 1970-е гг. сложился большой стратегический треугольник Китай — США — СССР. Китай и США наладили стратегическое сотрудничество с целью совместного противостояния советской угрозе и экспансии...

Затем произошли резкие изменения в Восточной Европе, Советский Союз распался, американско-советская «холодная война» завершилась. В этой ситуации Китай не получил от завершения «холодной войны» совершенно никакой выгоды, поскольку из-за «бури 4 июня» 1989 г. США стали относиться к нему враждебно, не признали счет, по которому они должны были заплатить Китаю за совместное противостояние Советскому Союзу. США использовали «бурю 4 июня», чтобы снова начать сдерживать Китай, ввели против него санкции. То есть это был заговор с целью отказа от оплаты счета.

По своей сути, распад СССР является результатом собственной закостенелости и коррумпированности КПСС и стратегии его разделения, проводившейся Западом (особенно Соединенными Штатами). Но нельзя отрицать и то, что одной из причин была также совместная американско-китайская политика его стратегического истощения: Советский Союз сосредоточил миллион солдат для защиты своей и Монголии границы с Китаем, 70% его экономики работало на военные нужды, фактически Китай и США окончательно развалили СССР совместными усилиями. Развалив, мы, по логике, должны были поделить стратегические дивиденды, самым большим из которых для Китая должно было стать решение тайваньской проблемы».

Хотя подобные безусловно логичные рассуждения в китайской открытой печати мне удалось встретить лишь однажды²⁹, это не означает, что данная точка зрения недостаточно репрезентативна.

Хотелось бы возразить коллегам, которые, как представляется, слишком оптимистично и с явным сочувствием комментируют деятельность КНР в Южно-Китайском море. Напомним, что китайские претензии охватывают более 90% морского пространства в ЮКМ, хотя на Китай (включая Тайвань) приходится только около 20% общей протяженности его береговой линии. Так, риф Скаборо, являющийся предметом китайско-филиппинского спора, находится примерно в 200 км от острова Лусон и в 650 км от Китая, риф Хафмун (Half Moon) — в 100 км от Палавана и примерно в 1500 км от Китая³⁰.

Насколько известно, единственным обоснованием такой позиции является т.н. «линия из 9 точек», которая идет более чем на тысячу морских миль от берегов Гуандуна и Хайнаня почти до острова Борнео и включает в себя почти все морское пространство между Вьетнамом и Филиппинами. Эта линия была определена в 1947 г. гоминьдановскими адмиралами, однако мне не приходилось видеть в печати или слышать от китайских собеседников ее внятное обоснование. Трудно не согласиться с тезисом, согласно которому выдвижение этой линии обосновывается не слишком внятными аргументами исторического характера, игнорирующими само существование в этом регионе других народов с их собственной историей мореходства и торговли, насчитывающей более двух тысяч лет, которая имеет более длительную историю, чем морские предприятия китайцев в этом регионе³¹.

Строительство на спорных островах в ЮКМ, которому здесь была дана достаточно высокая оценка, на самом деле имеет очевидную военную направленность. По

мнению некоторых экспертов, строительство военных объектов на спорных островах является актом войны.

Полагаю, что данная ситуация в ее нынешнем виде не может не оказывать негативного влияния на китайско-американские отношения.

Однако, с другой стороны, существуют и факторы, серьезно ограничивающие китайско-американские противоборство и конкуренцию. Если воспользоваться образным выражением Председателя КНР Си Цзиньпина, который в 2014 г. говорил в штаб-квартире ЮНЕСКО о китайском «культурном гене», то у компартии Китая существует и некий политический ген, в котором закодирована установка на дружбу с Соединенными Штатами. Как известно, к ней стремились Мао Цзэдун и Дэн Сяопин. Унаследовало эту установку и современное китайское руководство, которое прилагает большие усилия для поддержания и дальнейшего развития китайско-американских отношений.

Нынешний министр иностранных дел КНР Ван И отмечает «реальные шаги в строительстве отношений великих держав нового типа³² между Китаем и США». В подтверждение указывается, в частности, что «президент США Обама нанес визит в Китай, после встречи в Калифорнии главы Китая и США встретились в Интае³³ и провели вечернюю беседу³⁴, углубили взаимное знакомство и понимание позиций друг друга, добились важных результатов в таких областях, как противодействие изменению климата, взаимное предоставление льгот в визовом вопросе, создание механизма взаимного доверия в отношениях между вооруженными силами»³⁵.

Развивая тему, в ходе пресс-конференции в рамках сессии Всекитайского собрания народных представителей 8 марта 2015 г. министр подчеркнул, что китайско-американские отношения «совершенно необходимы», их наличие «отвечает интересам двух государств»³⁶.

Как пишет «Жэньминь жибао», в течение года с лишним, прошедшего после неофициальной встречи китайского и американского лидеров в Калифорнии, Си Цзиньпин и Обама неоднократно встречались, разговаривали по телефону, обменивались посланиями, поддерживали тесные контакты. Развитие двусторонних связей, считают в Пекине, «показывает всему миру, что две великие державы с разными традициями, культурой и политическими системами не только способны создать новый путь развития отношений между великими державами, но и могут вместе, рука об руку двигаться вперед к длительному миру во всем мире и совместному процветанию с тем, чтобы предоставить народам всех стран возможность пользоваться дивидендами от мира и развития». Еще в 1979 г., говорилось в «Жэньминь жибао», «господин Дэн Сяопин говорил, что интересы народов наших двух стран и интересы мира во всем мире требуют от нас рассматривать развитие китайско-американских отношений с точки зрения положения в мире в целом, долгосрочной, стратегической перспективы». Далее газета китайских коммунистов ссылается еще на одного «большого друга» Китая — доктора Г. Киссинджера, который говорил когда-то, что многие мировые проблемы «не могли бы быть решены, если бы не было американо-китайского сотрудничества», и утверждает, что «Китай и США имеют особый шанс и особую ответственность для того, чтобы предпринять совместные усилия во имя мира и прогресса во всем мире»³⁷.

Китайская сторона сделала все возможное, чтобы реализовать вышеизложенные установки на всемерное развитие отношений с Соединенными Штатами на практике, в частности, в ходе пекинского саммита АТЭС (ноябрь 2014 г.). В СМИ зарубежных китайцев была опубликована статья, в которой говорилось, что вечером 11 ноября 2014 г. запланированная беседа Си Цзиньпина и Обамы, состоявшаяся в Чжуннаньхае, вместо предусмотренных по протоколу 30 минут продолжалась полтора часа. Два лидера «проговорили допоздна» и расстались только в 11 часов вечера. Источник этой информации не раскрывался, однако указанная статья была перепечатана многими официальными СМИ КНР. По имеющейся информации, беседы Си Цзиньпина и Обамы в ходе пекинского саммита продолжались в общей сложности более 10 часов³⁸.

Дополним эти сведения тем, что говорил в декабре 2014 г. в США член Политбюро ЦК КПК, заместитель главы правительства КНР Ван Ян. Он также является сопредседателем с китайской стороны китайско-американской Совместной комиссии по торговле и китайско-американского экономического и стратегического диалога.

17 декабря 2014 г., выступая перед участниками китайско-американского форума по торговле в Чикаго, Ван Ян заявил следующее: «Китай и США являются партнерами в глобальной экономике, однако ведущими в мире являются Соединенные Штаты. Когда Китай начал проводить политику реформ и открытости, США уже возглавляли мировую экономическую систему и устанавливали правила, по которым она функционирует. Проведение Китаем политики реформ и открытости означает, что мы желаем войти в эту систему, признать в целом эти правила, а также желаем играть в международной экономической системе конструктивную роль. Хотя по своим размерам китайская экономика занимает второе место в мире, она по-прежнему составляет только 55% от американской, ее среднедушевой ВВП — одну восьмую часть от американского. Еще более важным является то, что процессы создания ключевых технологий, определяющих развитие мировой экономики, разработка различных правил мирового экономического порядка по-прежнему возглавляются Соединенными Штатами. В отношении этого вопроса у нас имеется ясное понимание. Китай не имеет ни желания, ни возможностей бросать вызов руководящему положению США. Мы только хотим в процессе сотрудничества Китая и США побудить американскую сторону еще лучше понять способ мышления китайской стороны, уяснить положение Китая, уважать выбранный китайским народом путь, не превращать различия в политических системах в препятствие для экономического сотрудничества». Он также сообщил, что в настоящее время на государственном уровне развитием китайско-американских торгово-экономических взаимоотношений занимаются «более 90 межправительственных механизмов сотрудничества», то есть разного рода комитетов, комиссий и т.п.³⁹

Таким образом, член Политбюро ЦК КПК Ван Ян от имени правительства КНР, в полном соответствии с установками Дэн Сяопина и, как можно предположить, в развитие не попавших в печать мыслей, высказанных китайским лидером Си Цзиньпином в ходе его бесед с президентом США в Калифорнии и на полях пекинского саммита АТЭС, заявил, что китайская политика реформ и открытости символизирует собой признание компартией Китая «руководящей роли» США в «мировом экономическом порядке» и мировой экономической системе, а также согласие играть в мировой экономике по установленным Соединенными Штатами правилам. Эту позицию он связал с обращенным к американской стороне пожеланием «уважать выбранный китайским народом путь», под которым понимается путь самобытного китайского социализма с также присущей ему «руководящей ролью», но уже компартии Китая.

Последнее означает, что ЦК КПК предлагает своим заокеанским партнерам признание Китаем руководящей роли США в мировой экономической системе в обмен на признание Соединенными Штатами руководящей роли компартии в Китае. И, естественно, на новые сверхприбыли американских компаний в Китае, которые им гарантирует КПК. Если США согласятся на эти условия, то будущее китайско-американских отношений на ряд лет вперед при отсутствии принципиальных изменений в соотношении мировых экономических и политических сил можно со значительной долей уверенности считать обеспеченным.

В этой связи необходимо указать, что выдвигенец Дэн Сяопина Ван Ян принадлежит к числу китайских партийных деятелей «реформаторского», то есть праволиберального, направления. Перед получением назначения в Пекин (конец 2012 г.) он работал секретарем парткома КПК провинции Гуандун, расположенной по соседству с Гонконгом и имеющей наиболее тесные из провинций КНР исторически сложившиеся связи с США, в том числе по линии китайской эмиграции. Видимо, эти обстоятельства были учтены центральными партийными органами Китая при его назначении на «американский участок».

Выступление Ван Яна в Чикаго, видимо, отражает общую позицию китайского руководства и лично Си Цзиньпина. В то же время оно побуждает не ослаблять внимания к процессам, происходящим во властных структурах КПК/КНР, и внутриполитическому развитию Китая в целом. Отмечу в этой связи, что заявление о признании Китаем руководящей роли США в мировой экономической системе не всем в КНР понравилось, что, в частности, нашло отражение в китайской блогосфере.

Несколько слов о позиции Китая в украинском вопросе. Иногда на нее смотрят, как представляется, слишком оптимистически, всячески выискивая признаки ее близости к позиции России. На самом деле, позиция Пекина в этом вопросе многослойна и складывается по меньшей мере из следующих элементов.

Во-первых, из анализа событий на Украине и развития отношений России с «коллективным Западом» сделан вывод, согласно которому эти отношения серьезно подорваны и такое положение в обозримом будущем сохранится. Это, по оценкам китайских экспертов, отвечает интересам Китая, поскольку может замедлить анонсированный Б. Обамой «поворот в Азию» и дать Китаю «более широкое поле для маневра». Во-вторых, Пекин недоволен тем, что украинский кризис вносит новый элемент неопределенности и напряженности в международные отношения, а также негативно влияет на процесс восстановления мировой экономики, в чем он, с учетом сложного внутриполитического и экономического положения Китая на данном этапе, не заинтересован. В-третьих, ряд китайских политиков и экспертов озабочены тем, что эта ситуация может «поссорить» их с Соединенными Штатами, что в их ближайшие планы также не входит. В-четвертых, далеко не всех в Пекине радует перспектива усиления России. В-пятых, налицо последовательная линия Китая на использование проблем в отношениях России с Западом для извлечения из них конкретных политических и экономических выгод.

Так что «понимание» Китаем позиции России по Крыму, о котором любят поговорить некоторые отечественные политологи, не равнозначно ее поддержке. Что касается официальной китайской позиции по Украине, то она, на мой взгляд, нашла наиболее полное выражение в ходе встречи главы правительства КНР Ли Кэцян и г-на Порошенко, которая состоялась 21 января 2015 г. в Давосе. В официальном сообщении «Жэньминь жибао» говорилось, что, как заявил премьер Ли Кэцян, «со времени установления дипломатических отношений между Китаем и Украиной стороны строили свои отношения на основе взаимного уважения, равноправия, достигли больших результатов. Китай всегда уважал и будет уважать государственный суверенитет, независимость и территориальную целостность Украины, поддерживал и будет поддерживать путь развития Украины, соответствующий ее условиям. Китайская сторона желает продолжать развешивать с украинской стороной прагматическое сотрудничество во всех областях, основанное на принципе взаимного выигрыша. В вопросе украинского кризиса китайская сторона придерживается объективной и справедливой позиции, отстаивает линию на политическое урегулирование и дальше будет продолжать играть в этом деле активную и конструктивную роль.

Порошенко заявил, что правительство Украины придает большое значение отношениям с Китаем, желает поддерживать с ним сотрудничество. Украинская сторона надеется, что в процессе политического урегулирования украинского кризиса китайская сторона будет играть еще более активную роль»⁴⁰.

На пресс-конференции в Пекине 15 марта с.г. Ли Кэцян, комментируя вышеуказанную встречу в Давосе, отметил, что Порошенко даже специально уточнил, можно ли опубликовать изложенную тогда китайскую позицию, на что получил утвердительный ответ. Дословно Ли ответил: «Нет вопросов, опубликуйте мои слова в газетах»⁴¹.

Наконец, еще об одном. В нашей стране находятся люди, утверждающие, что между Россией и Китаем в настоящее время складывается некий «квасисоюз», а вообще-то надо создавать военно-политический союз между двумя нашими странами. Странно то, что в этом деле они, вопреки реальному положению дел, рассчитывают на поддержку Пекина. Хочется напомнить им заявление китайского министра иностранных дел на

пресс-конференции 8 марта с.г., где он еще раз пояснил, что Китай «устанавливает партнерские отношения и не вступает в союзы» с иностранными государствами. Число стран мира, с которыми он установил «партнерские» отношения, достигло семидесяти⁴².

Таковы некоторые факты, которые следовало бы учитывать при анализе перспектив отношений между Китаем, США и Россией.

1. URL: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html>.
2. URL: <http://kyrgyztoday.kg/ru/analitika/item/22384>.
3. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8263012.html>.
4. URL: <http://www.politcom.ru/print.php?id=15874>.
5. China Daily. 2013. 7. June.
6. См.: Human rights record of the US in 2013. 28.02.2014. URL: http://www.chinahumanrights.org/Messages/feature/2014/07/t20140302_1150534.htm.
7. 2009 нянь мэйгодэ жэньцяоань цзилу [Протокол прав человека в США в 2009 г.]. 12.03.2010. URL: <http://www.scio.gov.cn/zxbd/wz/201003/t571395.htm>.
8. Новый оборонный бюджет на 10,7% выше, чем в прошлом году // Жэньминь жибао. 06.03.2013. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8155189.html>; Расходы на оборону в бюджете Китая увеличатся на 12,2% в 2014 г. // Жэньминь жибао. 05.03.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8554674.html>; Военные расходы Китая — куда уходят деньги? // Жэньминь жибао. 06.03.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0306/c95181-8858890.html>.
9. The Military Balance 2015. IISS. 11.02.2015. URL: <https://www.iiss.org/en/publications/military%20balance/issues/the-military-balance-2015-5ea6>.
10. *Perlo-Freeman S., Solmarino C.* Trends in world military expenditure, 2013 // SIPRI. 2014. P. 2. URL: <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1404.pdf>.
11. Запад не может определиться, насколько сильна армия Китая // Жэньминь жибао. 15.02.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0215/c95181-8851204.html>.
12. *Perlo-Freeman S., Solmarino C.* Op.cit.
13. Запад не может определиться... Указ. соч.
14. *Perlo-Freeman S., Solmarino C.* Op.cit.
15. SIPRI Yearbook 2014. P. 188. URL: <http://www.sipri.org/yearbook/2014/files/sipri-yearbook-2014-chapter-4-section-iii>.
16. *Lum Th., Dolven B.* The Republic of the Philippines and U.S. interests — 2014. 15.05.2014. P. 7. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R43498.pdf>.
17. Defense of Japan 2013. P. 1. URL: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2013/28_Part2_Chapter2_Sec4.pdf.
18. *Hiebert M., Nguyen Ph.* Vietnam ramps up defense spending, but its challenges remain. 18.03.2015. URL: <http://amti.csis.org/vietnam-ramps-up-defense-spending-but-its-challenges-remain/>
19. Obama to China: Don't 'elbow' Philippines, Vietnam aside. 10.04.2015. URL: <http://www.interaksyon.com/article/108540/spratlys-dispute-dont-elbow-aside-ph-vietnam-obama-tells-china>.
20. Выказывания Вашингтона о проблеме вокруг Южно-Китайского моря похожи на поговорку «громче всех кричит "держи вора" сам вор» // Жэньминь жибао. 14.03.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0413/c95181-8877249.html>; Строительство Китаяем инфраструктуры на островах и рифах в Южно-Китайском море обоснованно и законно // Жэньминь жибао. 9.03.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0309/c95181-8860235.html>.
21. Foreign Ministry Spokesperson Hong Lei's Regular Press Conference on April 29, 2015. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1259519.shtml.
22. Wu Shicun China — US Focus, 2015 0625. "U.S. Ambivalence in South China Sea" URL: <http://www.chinausfocus.com/peace-security/u-s-ambivalence-in-south-china-sea/>
23. Feng Zhang Provoking Beijing in the South China Sea Will Only Backfire on Washington. "The Foreign Policy", May 21, 2015. URL: http://foreignpolicy.com/2015/05/21/united-states-provoke-beijing-south-china-sea-air-defense-identification-zone/?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_term=*Editors%20Picks&utm_campaign=2014_EditorsPicksRS5%2F21.

24. Chinese president meets US secretary of state on Sept. visit. "Xinhua", BEIJING, 17 May 2015. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2015-05/17/c_134245970.htm.
25. Feng Zhang Provoking Beijing in the South China Sea Will Only Backfire on Washington. "The Foreign Policy", May 21, 2015. URL: http://foreignpolicy.com/2015/05/21/united-states-provoke-beijing-south-china-sea-air-defense-identification-zone/?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_term=*Editors%20Picks&utm_campaign=2014_EditorsPicksRS5%2F21.
26. Nathan Gardels Is America Ready for China as an 'Equal Brother?' "THEWORLDPOST", Nov 22, 2014. URL: <http://www.chinausfocus.com/foreign-policy/is-america-ready-for-china-as-an-equal-brother/>
27. Chen Jimin Risks Manageable for China-U.S. Relations, "China-US Focus", Jun 02, 2015. URL: <http://www.chinausfocus.com/foreign-policy/risks-manageable-for-china-u-s-relations/>
28. URL: <http://www.evandrocarvalho.com.br/?p=320>
29. *Синь Цзы*. Чжунго дэ даньдан [Ноша Китая]. Хайкоу, 2013. С. 20–21.
30. См., например: *Bowring Ph.* Beijing's dangerous arrogance in the South China Sea // *The South China Morning Post*. 2014. 18 May.
31. Ibid.
32. Эта формулировка впервые появилась в материалах XVIII съезда КПК.
33. Один из уголков китайской правительственной резиденции Чжуннаньхай.
34. Во время саммита АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г.
35. *Ван И*. Шусе синь пяньчжан, кайци синь ханчэн. 2014 нянь Чжунго вайцзяо цюаньмянь буцзюй [Вписать новую страницу, проложить новый курс. Всестороннее развертывание внешней политики Китая в 2014 году // «Цюши». 2015. № 1.
36. Вайцзяо бучжан Ван Ицзю Чжунго вайцзяо чжэнцэ хэ дуйвай гуаньси хуйда чжунвай цзичжэ тивэнь [Министр иностранных дел Китая Ван И ответил на вопросы китайских и иностранных журналистов относительно внешней политики Китая и его отношений с иностранными государствами] // *Жэньминь жибао*. 2015. 9 марта.
37. *Чжун Шэн*. Чисюй туйцзинь чжунмэй синь син да го гуаньси [Устойчиво двигать вперед отношения нового типа между Китаем и США] // *Жэньминь жибао*. 2014. 13 нояб.
38. У е ши фэнь Си Цзиньпин юй Аобама Чжуннаньхай митань [Тайная ночная беседа Си Цзиньпина и Обамы в Чжуннаньхае]. URL: <http://b5.secretchina.com/news/14/11/15/559809.html>. Дата обращения: 28 июня 2015 г.
39. Чжунмэй цзинци хобань чжи лу юэ цзоу юэ куаньгуан. Ван Ян фуцзунли цзай чжунмэй шанье гуаньси лунтань шан дэ чжучжи яньцзян [Путь китайско-американского экономического партнерства становится все шире. Речь заместителя Премьера Госсовета Ван Яна на форуме по китайско-американским торговым отношениям]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/ae/ai/201412/20141200840915.shtml>. Дата обращения: 28 июня 2015 г.
40. Ли Кэцян хуйцзянь Укэлань цзунтун Болоньшэнькэ [Ли Кэцян встретился с президентом Украины Порошенко] // *Жэньминь жибао*. 2015. 23 янв.
41. Гоююань цзунли Ли Кэцян да чжунвай цзичжэ вэнь цюаньвэнь шилу [Стенограмма ответов Премьера Госсовета Ли Кэяна на вопросы китайских и иностранных журналистов] // *Жэньминь жибао*. 2015. 16 марта.
42. Вайцзяо бучжан Ван Ицзю Чжунго вайцзяо чжэнцэ хэ дуйвай гуаньси хуйда чжунвай цзичжэ тивэнь [Министр иностранных дел Китая Ван И ответил на вопросы китайских и иностранных журналистов относительно внешней политики Китая и его отношений с иностранными государствами] // *Жэньминь жибао*. 2015. 9 марта.